

КРОВАВЫЙ СМЕРЧ

„Революция 1905 г. только надломилась, но не уничтожила самодержавие. Оно мстит теперь народу“.
Ленин

9 января 1905 г. несколькими сотнями расстрелянных и раненых в Петербурге рабочих начинается российская революция, открывается полоса кровавых схваток широких масс трудящихся с самодержавием. Впереди трудящихся масс идет уже закаленный в предыдущих массовых боях рабочий класс. Под руководством своей большевистской партии рабочий класс России объявляет непримиримую борьбу самодержавию, всем остаткам старого феодально-крепостнического строя. Экономические забастовки отдельных групп рабочих, мирные политические демонстрации безоружных масс, отдельные покушения террористов на представителей царской власти сменяются организованными вооруженными восстаниями в городах, во флоте, в войсках, общими политическими забастовками и рядом крестьянских выступлений против помещиков и местных властей. В январе — сентябре 1905 г. вся Россия представляет собой бурный кипящий котел, готовый взорваться.

Впервые, благодаря предварительной работе партии, словно по заранее выработанному стратегическому плану, фабрика за фабрикой, завод за заводом, город за городом, область за областью, почта, телеграф, железные дороги, водный транспорт — все замерло, и рабочий класс, совместно с передовой интеллигенцией и учащейся молодежью, вышли на улицу, бросив лозунг „Долой самодержавие“, принялись за стройку барикад, и начались баррикадные бои.

14 октября 1905 г., накануне царского манифеста, на улицах Петербурга было расклеено объявление от имени петербургского генерал-губернатора Дмитрия Трепова, в котором он заявляет, что войскам и полиции отдан приказ немедленно и самым решительным образом подавлять попытки произвести беспорядки. При оказании же к тому со стороны толпы сопротивления — „холостых залпов не давать и патронов не жалеть“. Петербургскому диктатору Трепову вторили и прочие диктаторы России, Сибири, Прибалтики: холостых залпов не давали, боевых патронов не жалели, устраивали погромы.

Однако во многих местностях России и Сибири, несмотря на массовые расстрелы, карательным экспедициям пришлось завоевывать волость за волостью, уезд за уездом.

Генерал Трепов

Растерявшееся правительство отдает приказ губернаторам и генерал-губернаторам действовать по своему усмотрению, беспощадно, не останавливаясь перед применением оружия и предания „бунтовщиков“ смертной казни.

В циркуляре губернаторам от 30 ноября 1905 г. министр внутренних дел писал:

„Прошу Вас: 1) всех подстрекателей, зачинщиков и революционных агитаторов, которые не зрестованы судебной властью, задержать и войти безотлагательно с представлением о высылке их под надзор полиции; 2) никаких особых дознаний по сему предмету, а равно и допросов не производить, а ограничиваться протоколом, в котором должны указать причины ареста и краткие сведения, удостоверяющие виновность; 3) если заведомые агитаторы освобождены судебными властями, то оставлять их под стражей и поступать по пункту второму; 4) в случае ареста учителей, фельшеров и других служащих в земских учреждениях, а равно посторонних лиц или приезжих, не обращать внимания на митинговые протесты разных самозванных союзов и делегаций; 5) не обращать внимания на угрозы собраний и митингов, и в случае необходимости самым решительным образом разгонять протестующих силою, с употреблением, согласно закона, если нужно, оружия; 6) представления должны быть сделаны безотлагательно; 7) вообще всякие колебания при исполнении предыдущего не должны быть допускаемы“.

Карательная экспедиция в Москве и на Моск.-Казанск. ж. дор.

Девять дней геройски дрался московский пролетариат на баррикадах.

Для подавления вооруженного восстания часть московского гарнизона, как ненадежная, была разоружена и заперта в казармах. „Надежная“ часть подавить восстание была не в силах. Генерал-губернатор Дубасов выпросил помощь из Петербурга. Оттуда были направлены под командой полковника Мина Семеновский и Ладожский полки.

Для характеристики действий этих отрядов приведем здесь приказ Мина о назначении карательной экспедиции для подавления вооруженного восстания на Московско-Казанской железной дороге. Экспедиция была послана во главе с полковником Риманом в составе 8 рот, 2 пулеметов и 2 орудий.

Приказ № 349, 15 декабря 1905 г.

„Дополнение к приказу по лейб-гвардии семеновского полка.

6 сего декабря назначается экспедиция по Казанской железной дороге на станции: Перово, Люберцы и Коломна. Начальником отряда назначается полковник Рима н.

Цель и назначение отряда захватить станцию Перово, обыскать мастерские и строения по указанию станционного пристава князя Вадбальского и жандармского подполковника Смирницкого.

Отъ С.-Петербургскаго Генералъ-Губернатора и Начальника С.-Петербургскаго гарнизона

ИЗВѢЩЕНІЕ.

Населеніе столицы встревожено слухами о предстоящихъ якобы массовыхъ беспорядкахъ.

Мѣры по охраненію личности и имущества въ столицѣ приняты; поэтому прощу населеніе указаннымъ слухамъ не вѣрить.

Если бы однако гдѣ-либо возникли попытки къ устройству беспорядковъ, то таковыя будутъ прекращаемы въ самомъ началѣ и, слѣдовательно, серьезнаго развитія не получатъ. Войскамъ и полиціи мною дано приказаніе всякую подобную попытку подавлять нехотенно и самымъ рѣшительнымъ образомъ; при оказаніи же къ тому со стороны толпы сопротивленія — холостыхъ залповъ не давать и патроновъ не жалѣть.

Считаю долгомъ предупредить объ этомъ населеніе столицы, дабы каждый обыватель, примкнувши къ толпѣ, производящей беспорядокъ, зналъ, чѣмъ онъ рискуетъ; благоразумное же населеніе столицы, во избѣжаніе тяжелыхъ послѣдствій, я приглашаю къ сборищамъ, направленнымъ къ нарушенію порядка, не примыкать.

Подписать: Свѣты Его Величества генералъ-майоръ Треповъ.

14 октября 1906 года.

„Патронов не жалеть“ — приказ Трепова

Отыскать главзей Ухтомского, Котляренко, Татаринского, Иванова и другихъ по указанію князя Вадбольскаго и подполковника Смирницкаго. Уничтожить боевую дружину. Исполнивъ задачу, оставить на ст. Перово одну роту, поручивъ ей охрану станицы и окрестнаго района.

Оказывать содействие правительственнымъ железнодорожнымъ агентамъ для восстановленія движенія. Затемъ слѣдовать в Люберцы, где занять станцію, произвести обыски селенія и завода; в остальномъ действовать такъ же, какъ и в Перове.

Общие указанія: арестованныхъ не имѣть и действовать беспощадно. Каждый домъ, из котораго будетъ произведенъ выстрелъ, уничтожить огнемъ или артиллеріей.

По возможности шадить и охранять всякіе железнодорожные сооруженія, необходимыя и полезныя для обслуживания железной дороги.

На станціи Сортировочная оставить одну роту, назначеніе которой — не допускать движенія поездовъ в Москву заграждая путь шпалами, выбрасывая сигналъ „остановка“, и в случаѣ неповиновенія открыть огонь.

Имѣть строгое наблюденіе за телеграфными аппаратами. Далее отряду двинуться на ст. Коломна, где произвести обыскъ и осмотръ и остаться впредь до особаго распоряженія.

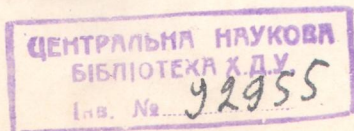
Перевязочные пункты устроить: одинъ пунктъ на ст. Перово (одинъ врачъ и одинъ фельдшер) и второй на ст. Люберцы (одинъ врачъ и одинъ фельдшер).

О дѣйствіяхъ отряда и о результатахъ его — начальнику отряда полковнику Риману I представить мнѣ подробное донесеніе.

Подлин. подписалъ командующій полкомъ флигель-адъютантъ полковникъ Минъ.

Приказъ розданъ в 9 часовъ вечера.

4. Смертные казни

Полковник Риман точно по приказу: арестованных не имел и действовал беспощадно. Живые расстреливались, раненые добивались.

В приказе значится, что необходимо устроить два перевязочных пункта, которые действительно были устроены, но не для раненых повстанцев или случайных жертв из населения, а исключительно для лиц, действующих в составе карательной экспедиции.

Дубасов
Московский ген.-губернатор,
разгромивший московское вооруженное восстание в декабре 1905 г.

Полковник Риман собственноручно расстрелял около 100 человек и по его приказу расстреляно около 800 человек. Насытившись кровью рабочих железнодорожников, он, перед своим отъездом из Люберец, собрал на смерть перепуганных крестьян и окрестных жителей и держал перед ними следующую „речь“.

„Я послан царем восстановить спокойствие и порядок:

Но не все главари пойманы: многие убежали и скрылись. Царь надеется на вас, что вы сами будете следить за порядком и не дадите вновь овладеть собою кучке революционеров.

Если ораторы вернутся, убивайте их, убивайте чем попало — топором, дубиной. Вы не ответите за это. Если сами не сладите, известите семеновцев, мы снова приедем“.

Солдаты лейб-гвардии Семеновского полка (сынки зажиточных кулаков) настолько „отличились“ при подавлении московского вооруженного восстания, что удостоились следующих царских наград:

201 нижний чин награждены медалями за усердие,

144 — медалями за храбрость,

73 — знаками отличия ордена святой

Анны.

О действиях карательной экспедиции полковника Римана I на Московско-Казанской жел. дор. в декабрьские дни 1905 г. В. Владимиров так сообщает:

„Мною было опрошено и записано показаний более 25 человек, материал получился такой обширный и ужасный по тем кровавым происшествиям, по отсутствию причин, простоте, с которой отнималась жизнь у людей, по тем жестоким, муче-

Генерал Мин

188821

ниям, которые причинялись людям без надобности, без цели, только для того, чтобы мучить, убивать.

Девочка 10 лет, Настя, при виде, как револьверным выстрелом офицер убил ее родного брата на ее глазах, бросилась в испуге к матери и закричала: „Какие они злые, какие злые глаза; мама, они нас убьют сейчас“... Потом гордо выпрямилась, приблизилась к офицеру и крикнула в лицо: „зачем убили моего Ваню, убейте и меня“.

Одна старушка, свидетельница расправы карательного отряда полковника Римана над ее мужем, рассказывала:

„Это еще, слава богу, с моим мужем то милостиво обошлись: попорол штыками, да и бросили, а вот тут, недалеко от моих окон, шли двое, в них выстрелили, они упали—солдаты бросились и ну их штыками... Пороли, пороли, потом бросили, видят еще идут двое и тех также.“

Я кричу: „Батюшки, батюшки, да что же это такое делается? Убили их“.

В это время я не знала, что с моим то также покончили. Не отхожу от окна и все смотрю. Солдаты недалеко от пути встали во фронт, с ними офицер. Вдруг вижу: один то из четырех, лежавших на снегу, зашевелился, должно быть, застонал еще, так солдат подошел к нему, подержал за одежду—видит шевелится и ну его штыком пороть: порол, порол—надо думать запорол совсем и опять отошел в сторону. Не прошло и 20-ти минут, как этот то опять зашевелился,—головой замотал,—страсть живуч был, солдат в сердцах опять подошел и штыком доколот его, а потом и офицер подошел и выстрелил ему в голову“...

Кровавый поход Римана под командованием Мина закончился производством последнего в генералы, о чем радостно сообщает царь Николай своей матери:

„Семеновский полк вернулся 31 декабря (1905) Мин явился и завтракал с нами, он рассказывал много интересного... Он, как всегда, был в духе и благодарил от имени полка за то, что их послали в Москву усмирять мятеж. Дубасов особенно просил произвести Мина в генералы, что я и сделал, конечно, назначив его в свиту“.

Карательные экспедиции по Сибири и Забайкалью

К октябрьскому восстанию 1905 г. в России примкнули трудовые массы Сибири и Забайкалья. Огромный революционный кадр, находившийся в сибирской ссылке, являлся передовым авангардом восставших рабочих и крестьян этой далекой окраины.

Масштаб восстания и его размах вызвали полнейшую растерянность у военных и гражданских властей. Иркутский генерал-губернатор, граф Кутайсов, 19 октября 1905 г. телеграфировал царю:

„Положение отчаянное. войск почти нет, бунт полный, всеобщий, сообщений ни с кем. Опасаюсь подкреплений бунтовщиков прибывающими ж.-д. рабочими. На усмирение надежд пока мало. Прошу разрешения объявить военное положение, дав мне лично самые обширные права телеграфом. Граф Кутайсов“.

На эту телеграмму, Кутайсов получил обширную инструкцию от министра внутренних дел Дурново, в которой он требовал беспощадных действий против восставших. Иркутск же, как главный тыловой район действовавшей армии в русско-японскую войну, имел чрезвычайно об'емистый, горючий материал: мобилизованную армию, вовсе не настроенную в пользу подавления восстания и продолжения войны с Японией, а наоборот и это обстоятельство вызвало еще большую растерянность графа Кутайсова, который 5 ноября 1905 г. телеграфно ответил министру Дурново:

„На циркулярную телеграмму 5 ноября (1905): все меры, на которые вы указываете, из за одного чувства самосохранения должны быть приняты, но для этого нужна власть и войска, а ни того, ни другого нет. Чтобы войска действовали твердо и решительно, нужно избавиться от запасных и кормить хорошо тех, которые в строю, а этого не делается. Запрещение митингов идет в разрез с манифестом и вашими же инструкциями, а кроме того, запрещать на бумаге легче, чем не допускать на деле. Аресты при настоящем положении дела невозможны и могут кончиться бесполезным кровопролитием и освобождением арестованных. Брожение между войсками громадное, и если будут беспорядки, то они могут кончиться только смертью тех немногих, которые еще верны государю. На войска рассчитывать трудно, а на население еще меньше. Вообще положение отчаянное, а от петербургского правительства, не отвечающего даже на телеграммы, я кроме советов ничего не получаю“.

Нервничал не только граф Кутайсов, теряли почву под ногами полиция, жандармерия, поскольку боевое, революционное действие по Сибири и Забайкалью усиливалось с каждым днем.

Департамент полиции со своей стороны добивался от иркутских жандармов принятия „крутых мер“ по ликвидации восстания в Иркутском округе, но ротмистр Гаврилов только руками разводил и беспомощно 19 декабря 1905 г. сообщил департаменту полиции:

„19 декабря, по болезни ген. Кайгородова, в управление губернией вступил вице-губернатор Мишин, до того никаких мер к прекращению телеграфной забастовки не принималось. По настоянию последнего отдан приказ об увольнении забастовщиков. Арестовано 9 членов комитета. Ранен Мишин, вступил управляющий казенной палатой Лавров. Объявлена чрезвычайная охрана. Убит вступивший вместо заболевшего полицеймейстера Никольского помощник его Драгомиров. Зло-

умышленники неизвестны. Приняты меры. Полиция деморализована. Пристава подали в отставку. Некоторые чины заболели. Городовые уходят. Оставшиеся полицейские чины уклоняются от исполнения следственных действий по политическим делам. Фактически полиции не существует. Исполняющий должность полицеймейстера исправник Шапшай беспомощен, просит устранения, исполняющий должность губернатора Лавров заболел. Новых заместителей нет. Военное положение Кайгородов, Лавров ввести отказался. Административной гражданской власти нет. Телеграммы департамента полиции 10 декабря не получил. Привести в исполнение распоряжения по телеграмме от 26 декабря при существующем положении невозможно“.

Правительство, окончательно потеряв надежду на „восстановление порядка“ по Сибири силами гражданских властей, через председателя комитета министров графа Витте вызывает к помощи военных властей, о чем Витте 26 декабря 1905 г. телеграфировал командующему войсками Сибирского военного округа ген. Сухотину :

„Обращаюсь к вам не официально, а по долгу к царю и родине. Необходимо во что бы то ни стало водворить порядок на Сибирской дороге и уничтожить революцию в сибирских центрах. Эта государственная задача возложена на вас государем императором. Зная вас уверен, что как верный слуга государя и истинный сын нашего измученного отечества, вы исполните эту задачу и найдете честных и преданных долгу службы сотрудников и деятелей. Готов вам помогать по мере моих сил „Граф Витте“.

Одновременно министр внутренних дел Дурново тоже вызвал к ген. Сухотину о ликвидации „мятежа“ и послал ему 2 января 1906 г. следующую телеграмму.

„Признаю необходимым: 1) главных виновных и производивших насилия по почтово-телеграфному мятежу немедленно судить военным судом за бунт против верховной власти и привести в исполнение приговоры о тягчайшем наказании; 2) второстепенных почтовых мятежников немедленно посадить в тюрьму и держать, согласно военному положению, не менее 3-х месяцев;

3) главных революционеров, а равно всех членов стачечных комитетов судить военным судом по обвинению в бунт против верховной власти и приговоры исполнить;

4) никаких митингов, собраний и шествий не позволять, а собравшихся разгонять без всякого снисхождения силою оружия;

5) все предыдущее распространяется на лиц всех званий;

6) чиновников, дозволивших себе революционные действия, устранять от службы;

7) вообще подавить мятеж самыми суровыми мерами“...

Когда же ген. Сухотин пожаловался министру на недостаточность (читай: ненадежность) воинской силы для проведения

арестов огромной массы восставших, министр Дурново 3 января 1906 г. ему ответил:

„Вполне понимаю затруднения, которые вам приходится преодолевать при исполнении тяжелой задачи подавления мятежа. Тем не менее, необходимо избегать арестов и истреблять мятежников на месте или немедленно судить военным судом и казнить. Никто ареста не боится и потому настоятельно нужно сокрушить мятеж так, чтобы больше никогда ни-

Собственноручная резолюция Николая II написана: Переговорите с вел. кн. Николаем Николаевичем. Возьмите и окажите помощь отсюда?

Для примера, необходимо было бы арестовать зачинщиков - военно-полевому суду и расстрелять.

Действие будет

Всеподданнейше представляю ВАШЕМУ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ рапорт Командующего войсками Московского военного округа, Гене

потрусающего

Переговорите с вел. кн. Николаем Николаевичем. Возьмите и окажите помощь отсюда?

Для примера, необходимо передать от 3 сего декабря за № 722 и копии

дошло бы арестовать зачинщиков - военно-полевому суду и расстрелять. Действие будет.

3 декабря 1905 года.

Николай Николаевич

9 декабря 1905 года.

Собственноручная резолюция Николая II на донесении военного министра о восстании в Ростовском полку в 1905 г.

чего подобного не повторилось. Особенно заслуживают кары телеграфисты и инженеры“.

Однако, ген. Сухотин все же оказался бессильным подавить революционное движение в Сибири и Забайкальи и ему в помощь были посланы карательные отряды генералов Ренненкампа и Меллер-Закомельского, о чем 12 января 1906 г. Николай Романов (последний царь) писал своей матери:

„Николаше (Николай Николаевич) пришла отличная мысль, которую он предложил: из России послан Меллер-Закомельский с войсками и жандармами и пулеметами в Сибирь до Иркутска, а из Харбина Ренненкампф ему навстречу. Обоим поручено восстановить порядок на станциях и в городах, хватать всех бунтовщиков и наказывать их, не стесняясь строгостью. Я думаю, что через две недели они сдуются и тогда в Сибири сразу все успокоится.

Там на железной дороге инженеры и их помощники — поляки и жида; вся забастовка, а потом и революция, была устроена ими при помощи сбитых с толку рабочих“...

Отправляя Ренненкампа на усмирение... „поляков, жидов, телеграфистов и инженеров“, Николай второй дал ему следующую „путевку“ :

„Безотлагательно возложить на ген. Ренненкампа восстановление среди всех служащих на Забайкальских и Сибирской ж. д. полного с их стороны подчинения требованиям законных властей. Для достижения этого применить все меры.

Всякое вмешательство постороннего и законом не предусмотренного влияния на железнодорожных служащих должно быть устраняемо быстро и с беспощадной строгостью“.

И когда Ренненкампф стал продвигаться из Манджурии к Чите и Иркутску, он на каждой ж.-д. станции сталкивался с препятствиями, вытекающими из активных революционных действий партизанских отрядов. Это обстоятельство вынудило его опубликовать приказ за № 2 (от 12 января 1906 г.), выдержки из которого мы здесь помещаем:

„Мне высочайше повелено водворить порядок на Забайкальской и Сибирской ж. д., почему все служащие на них подчиняются мне во всех отношениях.

Непоколебимо преданный, как и вся армия, государю и России, я не остановлюсь ни перед какими партиями, чтобы помочь родине сбросить с себя иго анархии.

Стачечники и забастовщики, захвативши в свои руки железную дорогу, почту и телеграф, поставили Россию и армию в безвыходное положение, попрали свободу народа и не допускают провести в жизнь государства начала, возвещенные в высочайшем манифесте 17 октября (1905).

Не желающие подчиниться существующим законам и законным властям пусть удалятся со службы в течение 24 часов с момента получения настоящего приказа ; на каждой станции в недельный срок они должны очистить занимаемые ими казенные помещения. Вторичный их прием на службу запрещен раз навсегда.

Предупреждаю, в случае вооруженного сопротивления и бунта против верховной власти, я прибегну к беспощадным мерам, дабы в корне пресечь смуту, влекущую Россию к явной и неминуемой гибели.

Николай Николаевич

Настоящему приказу дать самое широкое распространение среди всех служащих на железных дорогах, телеграфе и почте Сибири и Забайкалья, никакие заявления незнания этого приказа приниматься не будут.

Генерал-лейтенант Ренненкампф.

Но... „сбитые с толку рабочие“ (слова Николая II) не испугались приказа Ренненкампфа и на своем общем собрании (рабочих и служащих ст. Читавокзал), состоявшемся 14 января 1906 г., приняли следующую резолюцию:

Принимая во внимание:

- 1) что ген. Ренненкампф в приказе № 2 заявляет о своем явном намерении подавить революционное движение;
- 2) что он не будет останавливаться для этого в выборе средств, не исключая ни репрессий, ни лжи (что он и делает в своем приказе);
- 3) что застрашиванием он хочет, чтобы мы добровольно стали попрежнему покорными рабами падающего самодержавия;
- 4) что никаких забастовок у нас нет, а, наоборот, благодаря деятельности смешанных комитетов перевозка войск усилилась до 6—8 воинских поездов;
- 5) что правительство и его агенты сами стараются всеми силами тормозить перевозку войск и продовольствия;
- 6) что анархия в России создается не революционным народом, а правительством и его агентами, в роде Ренненкампфа, мы, рабочие и служащие, заявляем:
  - а) что не отказываемся от своих прежних политических убеждений и не будем распускать наших политических организаций, которые Ренненкампф именует преступными,
  - б) что не будем давать никаких подписок, кроме подписки бороться с самодержавием до конца, и в 24 часа убраться не будем,
  - в) что против репрессивных мер, которые вздумает принять генерал волчьей сотни, будем бороться всеми силами, не стесняясь выбором средств, и вместе с тем требуем немедленного освобождения арестованных товарищей по линии и отмены военно-полевого суда.

Ранненкамф и Меллер-Закомельский, в ответ на героическое упорство восставших революционных масс, подражали Ригману и Мину: „арестованных не имели и действовали беспощадно“.

Характерны краткие приказы Меллера: „пятьдесят плетей

Чита. — Вооруженные дружинники-железнодорожники.
Январь 1906 г.

и расстрелять“. Ренненкамф торопил Меллера-Закомельского помочь ему ликвидировать революцию:

„Прибывайте на раз'езд № 58 22-го (января). В Чите паника, надо пользоваться, почему я сокращаю свое движение на один день.

23-го возьмемся за Читу. Сычевский за город, я за железнодорожных и телеграфных служащих. Полковников будет поддерживать. Вы перехватывайте беглецов. О подробностях переговоров лично 22-го. Как встретиться—сообщу по телеграфу или через раз'езд казачий Оренбургского полка.

18 января 1906 г.

Ренненкамф“.

О своих похождениях по Сибири и Забайкалью, генерал Меллер-Закомельский ежедневно телеграфно докладывал царю:

„Царское село его величеству. Сибирской и Забайкальской дороги все служащие, телеграфисты, рабочие почти сплошь революционеры. Благонадежные кондуктора и чернорабочие. Необходимы строгие меры. На станции Мысовая расстрелял трех

телеграфистов, двух членов комитетов, двух пропагандировавших среди эшелонов запасных. По просьбе ген. Ренненкамппа еду на Читу.

20 января 1906 г.

Меллер-Закомельский“.

Реннекампп тоже отчитывался перед царем:

„Революционеры захватили здесь (Чита) около 25 тысяч трехлинейных винтовок, орудийные снаряды и взрывчатые вещества, в настоящее время в Чите-городе и мастерских производится отобрание оружия, но часть его еще не разыскана: она или уничтожена, или скрыта. Розыски продолжаются.

Революционеры предполагали оказать мне сильное вооруженное сопротивление. Перед моим приездом, прибывший сутками раньше ген. Сычевский был в мастерских и увещевал подчиниться моим требованиям. Появился раскол в партиях, затем началась паника от распространившихся слухов о моих действиях и вчера Чита-город и рабочий поселок с мастерскими были заняты без кровопролития.

... Газеты революционного направления во всей области приказал закрыть, типографии запечатать, редакторов и издателей арестовать... Продвигаюсь не особенно быстро, так как произвожу основательную очистку ж.-д. линии...

23 января 1906 г.

Ренненкампп“.

О похождениях Меллера-Закомельского по Сибири и Забайкалью председатель комитета министров граф Витте спешно докладывал царю:

„Ваше императорское величество. Генерал Меллер-Закомельский доносит, что Чита сдалась без боя. Но неужели все это дело тем и кончится. Позволяю себе всеподданнейше доложить, что, по моему мнению, необходимо немедленно судить военным судом всех виновных...

... В самых недрах действовавшей императорской армии в чужеземной территории, на глазах наших недавних врагов, главная коммуникационная линия — Восточно-Китайская ж. д., была взята в руки какого то самозванного комитета стачки, который целые месяцы самозванно распоряжался дорогой, и главнокомандующий русской, а не японской, армией, с добродушной наивностью взирал на это позорно-возмутительное явление. Вчера генерал-адъютант Линевиц сообщил мне, что он арестовал этот комитет, но не объясняет, что он предполагает с ним делать. Не собирается ли он дать этому комитету салонный поезд и отправить его в назидание всем ж. д. служащим, с торжеством в столицу вашего императорского величества. Не соизволите ли повелеть судить на месте военным судом виновных.

23 января 1906 г.

Статс-секретарь граф Витте“.

Ознакомившись с докладом Витте, царь, в письме к своей матери (Марии Федоровне) дал Витте следующую оценку:

„Витте после московских (1905) событий резко изменился; теперь он хочет всех вешать и расстреливать.

Я никогда не видел такого хамелеона или человека, меняющего свои убеждения, как он. Благодаря этому свойству характера почти никто больше ему не верит, он окончательно потопил самого себя в глазах всех, может быть, исключая заграничных жидов“...

Николай Романов не только интересовался ходом „ликвидации мятежа“, но и лично интересовался каждой казнью, совершенной экзекуторами Ренненкампфом и Меллер-Закомельским, о чем его по телеграфу информировал ген. Гродеков:

„Всеподданнейше доношу:

1) приговором временного военного суда в Чите, подтвержденным ген. Ренненкампфом, осуждены 5 ж.-д. служащих и рабочих на смертную казнь и 8 — в каторжные работы, сроком от 8 до 4 лет; 2) на линии Забайкальской дороги и во Владивостокском крепостном районе спокойно.

Харбин, 13 февраля 1906 г. Генерал от инфантерии Гродеков“.

„Спокойно“ — пишет генерал и по его мнению, совершенные казни, тоже, способствовали „спокойствию“. 20 февраля 1906 г. царь получил от ген. Гродекова очередную „радостную“ телеграмму:

„Приговорами временного военного суда на ст. Хилок, утвержденными ген. Ренненкампфом, 18 февраля 8 чел. казнены смертью, 11 чел. осуждены в каторжные работы на сроки от 4 лет до бессрочных, 2 — к тюремному заключению. Все осужденные из числа рабочих и служащих Забайкальской ж. д.“.

„Слава“ о действиях отряда Меллера-Закомельского и Ренненкампфа быстро распространилась по всей Сибири и многие почтово-телеграфные служащие, даже не примкнувшие к восстанию, побросали работу, что побудило начальника почтово-телеграфного округа послать Ренненкампфу следующую телеграмму:

„Телеграфисты, запуганные произведенными расстрелами ген. Меллером, не являются на службу. Покорнейшая просьба гарантировать их личную безопасность для несения службы.

22 января 1906 г.

Шумаков“

Граф Витте

На означенную телеграмму Шумаков получил от Ренненкампа такой ответ:

„Телеграфисты Читы будут иметь дело только со мной. Ген. Меллер-Закомельский их не касается. Строгому наказанию будут подлежать лишь главные руководители забастовки, остальные могут за себя не опасаться“.

Революционное движение по Сибири и Забайкалью из города перебросилось на село, в результате чего крестьяне приступили к экспроприации помещичьих и царских земель и лесных участков. Это аграрное движение усилило тревогу правительственных агентов и 31 января 1906 г. военный губернатор Забайкальской области предписал начальникам областей, чтобы они, в случае вынесения приговоров „о свободном пользовании лесными и земельными участками, принадлежащими казенному и другим ведомствам, а также и кабинету его, величества... с подстрекателями, призывающими крестьян к уничтожению прав собственности на земли, поступали согласно телеграммы мин. вн. дел от 3 января 1906 г.“, т. е. судили военным судом и казнили.

Как Ренненкампф „налаживал“ порядок в „завсёванной“ области видно из следующих данных:

В Верхнеудинске им был расстрелян железнодорожник только за то, что у него было найдено охотничье ружье. Литераторы Окунцов, Шинкман и Мирский были приговорены Ренненкампом к смертной казни за печатание революционных статей.

Директор верхнеудинского реального училища Окунцов в газете „Наша жизнь“ писал:

„Меня, как фактического редактора „Верхнеудинского листка“, Шинкмана и Мирского, как сотрудников, генерал Ренненкампф особенно возлюбил и вот уже четвертую неделю возит в вагоне в своем поезде. Для устрашения или в качестве заложников он зорко следит за нами и показывает нам всякие ужасы. Он заставил нас пережить казнь пяти наших товарищей по заключению в Верхнеудинске, восьми на ст. Хилок и четырех в Чите. Намечены еще жертвы. Военный суд Ренненкампа 25 февраля (1906 г.) вынес нам смертный приговор через повешение. И это несмотря на то, что из 36 свидетелей — 30 показало в наше оправдание. Нас обвиняли в издании „Верхнеудинского листка“, в каком-то вооруженном восстании (о нем никто в Верхнеудинске никогда не слышал) с целью ниспровержения существующего государственного строя. В частности мне приписали стремление революционизировать учащихся через союз учащихся при помощи пения революционных песен и речей. Нашего защитника суд не допускал к защите. Я и мои товарищи ежеминутно ждем смерти. Вот войдут солдаты, схватят нас, поведут за город на гору и убьют нас, но мы прощаем солдатам их насилие над нами: они не понимают, что делают, но мы не прощаем и никогда не простим тем, по чьему приказу учиняют над нами насилие“.

На станции Хилок (Забайкалье) Ренненкампф расстрелял 4 юношей и 15-тилетнего мальчика только за то, что они поколотили машиниста и тем „способствовали низвержению существующего государственного строя“ (буквальное выражение из обвинительного акта). Там же пом. машиниста Марчинский был расстрелян только за то, что выразил желание охладить паровоз, что по обвинительному акту сильно способствовало ниспровержению государственного строя.

Генерал Ренненкампф в своей вешательской деятельности не уступал ни одному карателю, из числа действовавших тогда по России и не мог он мириться с „мягкими“ приговорами, где не фигурировало любимое Ренненкампом слово: „вешать“. Когда 16 марта 1906 г. Ренненкампф предал военному суду 45 солдат 3-го резервного ж. д. батальона по обвинению их в „беспорядках“ в конце 1905 г. в Чите и за „расхищение, оружие с целью снабжения им рабочих, участие и выступление на митингах, оскорбление действием командира роты, выборы депутатов в совет солдатских и казачьих депутатов, участие в вооруженной демонстрации, предъявление требований командиру батальона, распространение воззваний, агитация среди товарищей“ ... и суд приговорил 18 подсудимых — каторжным работам и тюремным заключениям, 28 подсудимых оправдал — генерал Ренненкампф заявил решительный протест против этого „мягкого“ приговора, по поводу этого он писал ген. Гродекову:

„Столь мягкий приговор по сравнению с преступлениями, значавшимися в обвинительном акте, особенно, если принять во внимание, что преступление совершено военными в местности, объявленной на военном положении, не может служить к водворению порядка и восстановлению дисциплины, сильно пошатнувшейся в здешних войсках, и является крайне несправедливым по отношению гражданских лиц, приговоры о которых были вынесены значительно строже. По долгу службы откровенно докладываю вашему высокопревосходительству, что подобный суд с подобными приговорами, по моему глубокому убеждению, послужит только отрицательную службу престолу и России. Это последнее совершенно несовместимо с моим отношением к обязанностям а потому вынужден просить или о немедленном отзывании председателя суда или же об изъятии суда из моего ведения“...

Однако ген. Гродеков отказал Ренненкампу в его „справедливых“ требованиях... казнить солдат, участников „беспорядков“ и не потому, что Гродеков либеральничал или был менее кровожаден чем Ренненкампф и Меллер-Закомельский, а потому, что, говоря словами Ренненкампа, в результате... „сильно пошатнувшейся дисциплины в здешних войсках“...

Гродеков, оставляя приговор в силе без смертных казней, учел, что он имеет дело с представителями армии, еще не эвакуированной из Сибири и значительно распропагандированной не в пользу царского правопорядка. Гродеков не забыл урок, полученный им 28 ноября 1905 г., когда весь иркутский гарнизон на своих митингах вынес постановление „бороться против смертных казней и карательных экспедиций в России“.

Наряду с массовыми революционными действиями восставших по городам, селам и на ст. ж. д. Забайкальской обл., начались террористические акты против полицейских и карателей, что вынудило Ренненкампа усилить репрессии, о чем и говорит его приказ № 7:

Приказъ
9 февраля 1906 г. №7

Извѣщаютъ: въ слугамъ покушенія съпомни-
тескою згублю на жизнь лишь меня сопровож-
дающихъ, тиковъ жандармской полиціи или
служащихъ на желѣзной дорогѣ чезегаю
послѣ покушенія, вѣсь арестованныя нахож-
щиеся при эшелонахъ и сданные въ тюрьму,
какъ заложники, будутъ расстрѣляны.

Генералъ Мейтенбергъ Винко

Но Ренненкампф не ограничивался репрессиями против прямых участников революционного движения, он не оставлял без своего „высокого“ вниманія и семей казненных, предложив начальнику Верхнеудинскаго уезда принять меры к тому, чтобы „семьи казненных политических преступников немедленно выехали за пределы Забайкальской области. В случае нежеланія, выселить административно“.

Надежды Ренненкампфа карательными действиями „раз и навсегда ликвидировать крамолу“ не оправдались и в то время, когда не было дня без расстрелов и экзекуцій, когда достаточно было указать пальцем на любого рабочего и прибавить слово: „забастовщик“, что бы подвести этого рабочего под расстрел или долготлетнюю каторгу.

Рабочіе читинскихъ ж. д. мастерскихъ, в день открытія 1-й госуд. думы (27 апрѣля 1906 г.), когда начальникъ этихъ мастерскихъ предложилъ имъ участвовать на молебнѣ, устроили демонстрацію, о чемъ немедленно было доложено Ренненкампфу:

„Сегодня, 27 апрѣля (1906) небольшая часть мастеровыхъ, придя на молебенъ о здравіи государя императора и августейшаго семейства передъ молебномъ и после него пропѣла революціонныя пѣсни. Однако мое приказаніе разойтись было исполнено беспрекословно. Сообщить въ городъ по телефону надлежащимъ властямъ о пѣнии революціонныхъ песенъ передъ молебномъ не могъ, благодаря неисправности телефона, объ исправленіи котораго просилъ дважды. Объ изложенномъ довожу до вашего свѣдѣнія

Заместитель начальника мастерскихъ Карпатовскій“.

„Доблестный“ генерал Ренненкамф за январь-февраль 1906 г. имел 450 заложников и 41 казненных. Достоинство отметить, что „карательный“ поезд ген. Ренненкамфа представлял из себя передвижную крепость: на первых вагонах видны были дула пушек и стоявшие со штыками солдаты, на последующих вагонах выставлены пулеметы, числом до 20, с стоящими позади наводчиками... На площадках вагонов стояли офицеры, на карауле. В двух вагонах, охраняемых солидным конвоем — заложники.

Окончив свое „победоносное“ шествие по трупам забайкальских рабочих и крестьян, Ренненкамф получил длительный отпуск, о чем ген. Гродеков сообщил военному министру:

„Генерал-лейтенант Ренненкамф возложенное на него по высочайшему повелению поручение окончил. 16-го сего мая прибыл в Харбин и уволен в 4-месячный отпуск для лечения есентукскими минеральными водами.

19 мая 1906 г.

Гродеков“.

Генерал Меллер-Закомельский не уступал Ренненкамфу в своих кровавых похождениях по Сибири и Забайкалью. Его карательный отряд по Самаро-Златоустовской и Сибирской ж. д. состоял из:

генералов	1
штаб-офицеров	4
обер-офицеров	9
врачей	1
гражданских чиновников	1
солдат (нижних чинов)	184
конных жандармских офиц.	6

кроме многочисленных отдельных отрядов, завербованных на месте, из числа „надежных сил“ действующей армии.

Сибирский палач Меллер-Закомельский в своем докладе Николаю Романову в январе 1906 г. писал:

„Агитаторы в своей дерзости дошли до того, что на станции Омск один из них стал раздавать прокламации нижним чинам вверенного мне отряда, за что был сильно избит ими.

Другой, около станции Иланской, вскочил на ходу в мой поезд, начал пропаганду среди нижних чинов, но был выброшен на ходу и вряд ли когда либо возобновит свою преступную деятельность.

Два таких агитатора, из которых один был в военной форме, выданные эшелонами запасных на станции Мысовой и вполне уличенные в их преступной деятельности по найденным у них прокламациям и по их собственному признанию, были расстреляны.

На станции стоял эшелон терско-кубанского полка, я распорядился взять полсотни этого эшелона и с частью своего отряда и ротой охраны станции Иланской послал оцепить депо,

Приказъ

№ 8

26 мая 1906г.

Из Иркутска

Мнѣ Высочайше повелѣно замоводворитъ законный порядок на Забайкальской желѣзной дорогѣ

Прибывъ съ отрядомъ на станцію Маньчжуря 12 января с/г засталъ слѣдующее

По всей линіи дѣйствовали старое и революціонныя комитеты, руководимые крайними революціонными партиями

Агенты върхне доли службы были терроризованы грубымъ населеніемъ

Погнѣ на всѣхъ станціяхъ была возмущенная революціонная милиція

Городъ Чита долъ централь всѣхъ мѣстныхъ организацій. Забайкальскія мѣста въ своихъ рукахъ громадные склады огнестрѣльнаго оружія и взрывчатыхъ веществъ (Болше 30 тысячъ винтовокъ 500 тысячъ патроновъ къ нимъ, до 300 пудовъ тротила и другихъ взрывчатыхъ веществъ)

Движеніе поездовъ по пути совершенно замедлено приодѣлано эвакуацію войскъ, угрожающа голодомъ арміямъ и Забайкальск

Погнѣ и телеграфъ разбиты, всешло въ направленіи угрожающа важнѣйшихъ революціоннаго движенія оторвавъ арміи и все Дальней Востокъ отъ

родины

Основными причинами всей смуты являю-
тся общей отсталостью Всероссийских беспорядков,
негодность организации Р. С. Д. Рабочей
Партии, ошибочное мнение начальствую-
щих лиц, о негодности вой-
ска в Забайкалье, подорванный воинский
дух среди большинства начальников и отсутствия
проявления твердости и инициативы местных
властей

Для восстановления полного и непоколебимаго
порядка я признаю необходимым для блага
родины безотлагательно принять строжайшие
законы предусматривающие меры, как против
всех мятежских организаций, так и отделе-
ных лиц, что бы откорректировать смуту.
Для этого я счел необходимым односторон-
но со службы на дороге, других властных
структурного порядка подвергнуть арес-
ту в тюрьмы на различные сроки
главных виновных предать Вр Военному Суду.
Сердечно рад что для восстановления порядка
на дороге мне не пришлось прибегнуть
к безропцанным мерам, объявляя, много
в первоначальных моих приказах

Создаваясь с Забайкальской железной
дорогой я ничего не буду иметь против
возстановления в должностях лиц моего
административно управленческих по размо-
тритию и в долж. в особом Комитете
и утверждения Нечаева Горюхи, кроме
нескольких указаний много ему

„Прошальный“ приказ ген. Ренненкампа

где была сходка. Когда нижние чины вошли в депо, по ним открыли огонь. Они ответили тем же, и в один миг всех разогнали, при чем, как оказалось впоследствии, из числа застигнутых в депо было 19 убито, 70 ранено и 70 человек арестовано.

Меллер-Закомельский

Главные виновники, телеграфисты и члены стачечного комитета, взятые с оружием в руках, после точного выяснения их виновности и собственного их признания были мною расстреляны на станции Мысовой — 5 человек и на станции Могзон — 7 человек.

Приведенная выдержка, взятая из собственно-ручного доклада экзекутора, указывает, с какой поспешностью „ликвидировалась“ сходка. „В один миг всех разогнали“. После разгона оказалось „19 убитых и 70 раненых“.

Для большей ясности о карательных действиях отряда барона Меллера-

Закомельского, помещаем выдержки из дневника поручика Евецкого, бывшего в карательном отряде Меллер-Закомельского: „3 января (1906). Принимая караулы, барон (Меллер-Закомельский) предупреждает, что начальники могут быть обвинены только в попустительстве и непринятии нужных мер, а никак не в чрезмерной строгости и превышении власти...“

12 января (1906). В Иланскую прибыли в 8 ч. вечера. Здесь было доложено, что рабочие, возвратясь из Канска, собрались в депо на митинг, что там между прочим, выражается намерение не давать нам паровоза, если Меллер не распорядится освободить арестованных из канской тюрьмы. Барон приказал свободным от наряда (петербуржцы и волынцы) немедленно отправиться в депо, разогнать собравшихся, подозрительных арестовать, а сам между тем, вышел на платформу, принял караул звенигородского полка и объявил выговор командиру охранной роты капитану Смирнову за бездействие, выразившееся в том, что он не употребил всех мер вплоть до оружия, чтобы помешать снаряжению экстренного поезда и поездке рабочих в Канск...

Барон приказал мне сходить в депо узнать, как там дела... Когда подходили к депо, я приказал сопровождающему жандарму указать выходы из депо, тот говорит что сам ничего не знает. Действовал наугад: разделил пополам людей... пришлось протискиваться между паровозов, и нас оказалось человек 6 против 150—200. В это время из них кто-то выстрелил и кто-то бросил молотком. Приказал стрелять. Людям повторять не пришлось. Тем временем еще подошли. Они побежали в разные стороны... Их вытаскивали из-под локомотивов даже из топок. Сопровождавших прикалывали... Я отправился к Писаренко. У него люди ходили в депо арестовывать. Он обошел депо кругом и стал у противоположного выхода. Скоро раздались выстрелы и рабочие толпою повалили к выходу. У него было всего 20 человек и он встретил их залпом. Бросились обратно. Некоторые пытались спастись через окна. Ловить их было некогда и их, как бегущих, подстреливали. О количестве убитых и раненых сообщения были различны. Заботкин приказал Марченко послать унтер-офицера сосчитать и тот еще не вернулся. Писаренко его видел и говорил с ним, тот доложил, что убитых около 30 насчитал. У входа в депо валялось около 10 трупов, в депо слышались стоны. Оттуда выносили раненых и выводили арестованных. Я вернулся доложить Меллеру.

18 января (1906 г., ст. Мысовая, Забайк. обл.). Возник вопрос, что делать с арестованными. Барон решил: „Ну что нам с ними возиться, сдать их к чорту жандармам“. Разговор происходил за обедом и, услышав это решение Меллера, Марцинкевич просит разрешения барона доложить ему об одном арестованном. Рекомендует его завязтым революционером, чуть ли не устроившим всю российскую революцию, отказавшимся передать высочайшую телеграмму и силою заставлявшим делать то же других.

— Ну, что ж? Так расстреляем его—говорит спокойно Меллер, попыхивая сигарой и отхлебывая Марго. Все молчат Марцинкевич докладывает еще о двух.

— Ну, трех расстреляем,—также невозмутимо говорит барон. Вмешивается Ковалинский и докладывает еще о двух революционерах.

— И их расстрелять...

Заботкин докладывает об арестованном вчера переодетшемся солдатом и ставит вопрос так: „Ведь возможно, что благодаря таким переодевающимся и возникла в известных партиях мысль о возможности присоединения армии к революционному движению“. Меллер и этого решает расстрелять. Кто-то докладывает о Копейкине, которого просил расстрелять Сыропятов. Тарановский и Энгельке напоминают, что Сыропятов не озаботился еще не только присылкой протокола на него, но и ответом на телеграмму.

— Ну сдайте его жандармам, пусть везут в Иркутск. А этих семерых расстреляем сегодня вечером.

Кто-то докладывает: „Не семерых, а шестерых“.

— Шестерых, так шестерых, — поправляется барон...

Между тем, делались приготовления к расстрелу. Я вышел побродить около вагонов. 6 человек осужденных стояли у вагонов, окруженные конвоем и ожидали. Они не чувствовали, что через несколько минут их отведут к Байкалу и обявят волю Меллера-Закомельского. Быть может, и тогда они еще не будут сознавать, что казнь решена бесповоротно и надежды ни для одного из них нет; быть может, каждый из них до последней минуты будет таить мысль: „помилют — как же без суда-то: просто пугают“, и ни у одного не мелькнет: „хоть бы без мучений — сразу“.

Тепер они топчутся от холода и протестуют, что их вывели из вагона, конвойные молчат.

— Что вам тут делать — пойдете на телеграф. Ренненкампф хочет разговаривать, — говорит подоспевший Тарановский.

Вернувшись в вагон, оделись потеплее и через минут 20 пошли.

На дороге услышали выстрелы — расстреливают. Выстрелы слышались как-то странно, то один, то несколько. Из нас никто не задумался над их странностью. Выстрелы слышались долго, Марцинкевич, сопровождавший нас, заметил: „Как будто дюжину расстреливают“...

... Мы вернулись в поезд и здесь узнали подробности расстреливания. Руководил подполковник Заботкин, командовали кн. Гагарин и Писаренко. Приговоренных отвели несколько от станции по направлению к Иркутску (не выходя из района станции). Здесь им объявили, что они приговорены к расстреливанию. Они не просили пощады. Один из них, чиновник Бялый, увидав проходившего не遠деке Марцинкевича, крикнул: „Г. Марцинкевич, повторяю — я невинен; моя кровь падет на голову ваших детей“.

Между тем, выбрали место, более других освещенное станционным фонарем. Поставили одного, скомандовали; вместо залпа получилось несколько единичных выстрелов... Я не стану описывать всей картины как мне ее передавали.. Расстрел производился при свете фонаря, и поэтому пули попадали не туда, куда следовало, и вместо казни получилось истязание... Казнь продолжалась около четверти часа.

„21 января (1906 г., ст. Могзон, Заб. обл.). Между тем, Меллер отдал распоряжение расстрелять 7 человек из арестованных. „Только пожалуйста, не тратьте даром патронов — стреляйте в затылок и больше 3 патронов на человека не тратьте“. Перед отъездом пришли доложить, что казнь окончена, рассказали подробности. Там дело шло лучше — голова после одного выстрела давала трещину, стреляли троих сразу; все казненные падали на месте: перед казнью уверяли, что они ни в чем не виноваты, и умоляли доложить генералу и судить их. Меллер все это слушал с обыкновенною спокойною улыбкой“.

Окончив свое кровавое дело на Сибирской железной дороге, барон Меллер-Закомельский спешит представиться царю. 31 января 1906 г. „победитель“ телеграфирует:

„3 февраля я прибуду в Челябинск. Испрашиваю разрешения вашего величества вернуться в Петербург. На Сибирской и Забайкальской дорогах до Читы восстановлен порядок: грузы, теплушки начали двигаться на восток. Паровозы отогреваются и исправляются, уголь подвозится. Революционные элементы дороги устраняются, арестовываются, увольняются, часть бежала. Дорога охраняется надежными войсками 4-го Сибирского корпуса. Желательно скорейшее прибытие из армии еще одной дивизии для усиления гарнизона Иркутска, Красноярска и Томска, где много революционеров. Вверенный мне отряд всеподданнейше ходатайствует иметь счастье представиться вашему величеству в Царском Селе. Осчастливьте разрешением проехать из Москвы в Варшаву через Петербург.

Меллер-Закомельский.

На телеграмме имеется справка:

„Отряду генерала барона Меллера-Закомельского высочайше разрешено прибыть в Царское Село и представиться его императорскому величеству. Отряд прибывает в Царское Село сегодня, 6 февраля. Смотр назначен 9 февраля в четверг вместе с л.-гв. павловским полком.

6 февраля 1906 г.

Ген.-майор Марков“.

Поручик Евецкий дальше в своем дневнике описывает подробности царского обеда, данного в честь Меллера. Во время обеда царь долго разговаривал с Меллером о его экспедиции и заметил ему, что „подавить революцию надо было гораздо строже—раз навсегда“. После тоста царя, Меллер хотел пить за его здоровье и спросил разрешения. „Хорошо,—сказал. Николай,—только со мною одним“.

После обеда Николай занес в своем дневнике:

„8 февраля (1906). Среда. Простоял чудный солнечный день. После доклада принял 50 представляющихся, в том числе депутацию Выборгского полка, отправляющуюся в Берлин. Гулял долго и убил две вороны. Пили чай при дневном свете. Принял Дурново. Обедали офицеры лейб-гвардии павловского полка и Меллер-Закомельский со своим отрядом, вернувшимся из экспедиции по Сибирской ж. д.“

На другой день, Николай занес в своем дневнике:

„9 февраля. Четверг. В 10¹/₂ отправились вдвоем в манеж на смотр л.-гв. Павловского полка. Затем в гусарском манеже представился экспедиционный отряд барона Меллер-Закомельского. Вернулись домой в 11¹/₂ час. Принимал до часа с четвертью. Завтракали Георгий и Тотлебен. Был Лангоф с докла-

дом. Гулял, убил две вороны. Читал много. Покатались и завезли Мари и Дмитрия во дворец. Принял вечером Трепова¹.

Награжденный царем за „тяжелые труды“ по Сибири и Забайкалью, Меллер-Закомельский получает назначение умирять и подавлять революцию в Прибалтике.

Кровавый смерч по Сибири и Забайкалью за январь — февраль 1906 г. под предводительством Ренненкампа и Меллера, по далеко неполным данным насчитывает: за январь — арестованных — 875, казненных — 14, убитых — 81 ч., выпорогих — 220 чел., раненых — 135 чел.; за февраль — арестованных — 120 чел., осужденных — 31 чел., казненных — 2 чел.

О „покорении“ Забайкалья Ренненкампом и Меллер-Закомельским в феврале — марте 1906 г. „Сибирское Обозрение“ отмечает:

„Оба генерала страстно желали „взять“ Читу, „брали“ оба генерала. Меллер-Закомельский первый взял Верхнеудинск, Хилок и Мысовск. Затем эти станции „брал“ Ренненкампф. При „покорении“ Забайкалья у Ренненкампа не было ни Мукдена, ни Цусимы, ни Порт-Артура, ни Ляояна², здесь были только блестящие победы, в результате которых ни одной потери у себя, потому что война велась с мирными жителями и даже не с революционерами. „Неприятель“ потерял убитыми: в Мысовске — шесть, Верхнеудинске — пять, Чите — четыре, ст. Хилок — пятнадцать, станция Борзя — один, итого тридцать один казненный, кроме того, сослано на каторгу несколько сот, да арестовано было несколько сотен.

Карательная экспедиция в Прибалтийском крае

Правительство предоставило в распоряжение дворян и баронов несколько эскадронов драгун и казачьих сотен. Все эти карательные отряды были под командой самих помещиков и баронов, под командованием так называемой „почетной полиции“. Целые области были отданы на растерзание генералам, атаманам, баронам и отдельным начальникам отрядов.

Прибалтийские бароны свирепели. С ноября 1905 г. по декабрь 1906 г. от действий карательного отряда из 1800 латышских учителей пострадало 362 чел., расстреляно 26 чел., повешено 3, розгами исполосовано 42, заключено в тюрьмы 94 чел., спаслись бегством от экзекуции 144. Из расстрелянных один учитель получил 400 ударов нагайками.

Остзейский барон фон-Сиверс особенно отличился при экзекуциях (телесных наказаниях), принуждая приговоренных друг друга держать во время порки. Под непосредственным руковод-

¹ Карательные экспедиции в Сибири в 1905-1906 г.г. Документы и материалы В. Максимов. Соцэкгиз. стр. 155—157.

² Мукден, Цусимо, Порт-Артур и Ляоян — арена военных действий в русско-японскую войну 1904—1905 г.

ством барона Сиверса солдаты-драгуны пороли арестованных ивовыми скрученными толстыми прутьями, давая от 25 до 200 ударов, били жестоко, до потери сознания. Однажды барон Сиверс усмотрел „крамолу“ в заявлении учеников городского училища г. Филлин о преподавании на родном языке. Он явился в школу в сопровождении 12 солдат и заявил инспектору, что будет учеников пороть каждого через десятого „за дерзкое требование“ пользоваться национальным языком. Преподаватели запротестовали, тогда Сиверс потребовал выдачи „главарей“. Дети были собраны вместе

Анна Кростин и Петр Боровский арестованные в Риге в 1906 г. по обвинению в участии их в ж.-д. забастовке. Карательным отрядом они были изувечены

и кто-то указал на двух учеников как „виновников“ подачи заявления, тогда мальчуган Леопольд Кохно робко спросил:

— Господин офицер, неужели нас всех будут пороть?

— А, он еще разговаривает,—крикнул барон Сиверс,—дать ему сорок ударов.

И мальчугана выпороли жестоко.

Порке и экзекуциям подвергались не только активные участники восстания против обнаглевших баронов, но и заподозренные в „политической неблагонадежности“ и не только взрослые мужчины и женщины, но и дети. пытки и экзекуции имели место и по отношению к приговоренным к казни, накануне таковой.

Особенно отличался своими пытками рижский застеноч; за два дня до истязания там арестованным переставали давать хлеб и воду; а кормили исключительно соленым рассолом. Это наказание, по словам некоторых жертв, несравненно хуже многих пыток. Осита (партийная кличка одного из приговоренных к каторге) так избili и повредили половые органы, что он не в состоянии был больше отправлять естественные потребности. Когда после приговора его должны были отправить в центральную тюрьму, то его оставили на две недели при сыском отделении, так как ввиду болезненного состояния не было никакой возможности переправить его в новое место заключения.

В одном из писем к родным Осит умолял дать ему возможность покончить с собой, так как страдания его ужасны. Кстати, во время „допроса“ Оситу заткнули рот прокламациями,

а один из инквизиторов все время приговаривал: „Ну теперь почитай ка твои прокламации“.

Один из политических пленников заявил, что он голоден, и попросил дать ему чтонибудь покушать. Сыщик, околоточный надзиратель Нейберг, ответил ему: „Животных кормят только один раз в день—в 12 часов дня, вы опоздали и ждите теперь следующего дня“. Перед каждым допросом в руках экзекуторов Грегуса, Михеева, Давуса и др. находились четыре нагайки, которыми и производился „допрос“.

Каратели-экзекуторы

Отряд карательной экспедиции Прибалтийского края сжигает захваченное у повстанцев оружие (X) — князь Путятин, собственноручно расстрелявший несколько десятков повстанцев

За какие-же „преступления“ расстреливались рабочие и крестьяне Прибалтики?

Крестьяне Якобсон, Траутман и Рекстин расстреляны в Митаве за уничтожение икон и царских портретов.

Батрак Розе расстрелян, потом повешен. Его труп висел три дня для „устрашения“ крестьян.

Преподаватели Граудынь и Озол Роберт расстреляны за то, что ввели в школе национальный латышский язык.

Два брата Трейлоны в результате жестоких пыток оговорили себя, что подожгли помещичью усадьбу. Их расстреляли, а потом выяснилось, что они невиновны.

Андерсен после расстрела приговорен был к трехмесячному аресту.

Бахман после расстрела приговорен был к трехмесячному аресту.

Озол Ян, Данишевский Федор, Равелин после расстрела приговорены к трехмесячному аресту.

Мецит изувечен до расстрела, а после казни признан невиновным Ландсман расстрелян в Риге, а после казни приговорен к 6 годам каторги.

Лац Ян, арестованный карательной экспедицией в ноябре 1906 г., был оправдан; через 10 дней его вторично арестовали и приговорили к расстрелу, при чем могилу для него вырыли за 6 часов до „суда“.

Дийка, 15 лет, Альфред, 15 лет, Балод, 15 лет, расстреляны за то что пели революционные песни.

Пихельгас Антон и Пьер (15 и 16 лет) расстреляны в январе 1906 г. за то, что состояли в революционном кружке учащихся.

Кит Александр расстрелян за то, что в течение 5 мин. не мог указать, кем разгромлена казенная винная лавка. Озол Ян расстрелян за то, что распространял революционную литературу.

Возе расстрелян за хранение книги „Гражданская война во Франции“ и Чулис расстрелян за хранение книги Бебеля „Женщина и социализм“.

Герберт расстрелян вместо сына, а Крестынь расстрелян за то, что отказался указать местонахождение сына, приговоренного заочно к расстрелу.

Точное количество жертв Прибалтики во дни свирепствования баронов и помещиков не установлено и вряд-ли будет когда кем-либо установлено. Все же некоторые цифровые данные собраны.

В Риге в январе 1905 г. солдатскими залпами обстреливались на рижском мосту мирные демонстранты. В результате 50 убитых, свыше 100 раненых.

В Рижском уезде с 1 июня по 1 августа 1906 г. расстреляно 65 чел.

В Венденском уезде с 1 июня по сентябрь 1906 г. расстрелян 61 чел.

В Валкском уезде с 1 июня по октябрь 1906 г. расстреляно по „суду“ и „при попытке бежать“ 92 чел.

В Гробинском уезде с 1 июня по сентябрь 1906 г. расстрелян 31 чел.

В Газенпотском уезде с 1 июня по август 1906 г. без всякого суда и „при попытке бежать“ расстреляно 15 чел.

В Туккуме за декабрь 1905 г. расстреляно 35 чел. и убито 170 чел. во время восстания.

В Риге с 1 июня по декабрь 1906 г. расстреляно без суда 130 человек, всего с уездами 475 чел., из них 187 чел. по приговору военно-полевого суда.

В Ревельском уезде с 22 декабря 1905 г. по 12 января 1906 г. убито 40 чел., ранено 89 чел.

В означенную цифровую сводку не входит количество расстрелянных по „приговорам“ военно-полевых судов и за так называемую „попытку к побегу“.

Массовое истребление рабочих, крестьян и учителей Прибалтики — рождало новый тип „бродяг“, вошедших в историю революции в Прибалтике как „лесные братья“.

„Спасаясь от карательных отрядов, масса лиц, не имеющих средств для эмиграции, вынуждена была скрываться в лесах..

Местному населению, под угрозой строгого наказания, вплоть до расстрела, воспрещено было снабжать этих лиц с'естными припасами и давать им приют. Угрозы не оставались только угрозами, и часто по одному только подозрению в приюте

Арестованный агитатор Прибалтийского края

скрывающихся родных и знакомых, масса лиц подвергалась самым бесчеловечным истязаниям, высылалась и расстреливалась; нередко под маскою скрывающихся лиц (так наз. „лесных братьев“) просили помощь переодетые урядники и провокаторы, предававшие потом приютивших в руки карательных отрядов. Терроризованное таким образом население должно было отказаться от материальной поддержки этих лиц. Бывали случаи, что даже родители из боязни перед карательными отрядами,

отказывали в прикте своим детям.

Эти лица находились таким образом вне закона, их безнаказанно мог убить первый встречный, а часто за это выдавалась еще награда; на их устраивались правильные охоты, как на диких зверей, и им не оставалось ничего другого, как либо без суда и следствия быть убитыми, либо умереть с голоду, либо же взять себе все необходимое силой и защищаться.

Лишая местное население законных средств защиты жизни и имущества, карательные отряды и администрация сами провоцировали экспроприации „лесных братьев“. Этими нападениями местные власти и разные начальники карательных отрядов пользовались как удобными предлогами для обложения населения неимоверно высокими штрафами и снаряжениями новых карательных отрядов. В результате—расстрелы и истязания без суда и следствия ни в чем невинных людей и новые „лесные братья“¹.

За шесть месяцев 1906 г. карательными отрядами генералов Орлова, Безобразова, Солошны, Рихтера и др. в одной только части Прибалтийского края, по далеко неполным сводкам, повешено и расстреляно 1.170 крестьян и батраков. Убытков от уничтоженных усадеб крестьян исчисляется на 2.000.000 зол. рублей. Жестокости ген. Орлова даже „возмутили“ рижского губернатора Соллогуба, который телеграфировал министру Витте и просил воздействовать на Орлова, но царь, узнав о

¹ П. Янсон. Карательные экспедиции в Прибалтийском крае в 1905—1907 гг. (по материалам Второй государственной думы). „Прибой“ 1925 г.

карательной деятельности Орлова, восхищенно начертил: „Ай-да молодец“ и Соллогуб был отозван из Прибалтийского края. На его место был назначен известный уже читателям своими кровавыми похождениями по Сибири Меллер-Закомельский.

Карательные действия по всей России.

В Ростове, в 1906 г., состоялось вполне легальное собрание рабочих, собравшихся для обсуждения вопроса о государственной думе. На этом собрании присутствовал даже полицейский чин, и все же, словно коршуны, налетели казаки, открыли стрельбу и в результате 4 убитых, 18 раненых и 50 арестованных.

В апреле 1906 г. в селении Чокнари (Кутаисского уезда) по приказанию атамана Ларионова и в его присутствии были отрублены головы у пяти участников „Красной сотни“ (боевой дружины). Их не поймали с оружием в руках, никто не мог доказать в точности, где дружинники активно себя проявили, достаточно было только одного указания, что они дружинники вообще.

Г. А. Скалон
Диктатор варшавский 1906 г.

Д. Скалон

По его приказу расстреляно 1500 крестьян во время польского восстания 1863-1864 гг.

В январе 1906 г. в Варшаве по распоряжению генерала Скалона расстреляно семнадцать человек, из них одиннадцать несовершеннолетних. Все они принадлежали к группе анархистов-коммунистов „Интернационал“: Марковский, Розенцвейг, Гольдштейн, Рывкинд, Шайер, Пфефер, Рафцейг, Крыштал, Кернбейзер, Шпиро, Скурджа, Игалсон, Грауман, Пухач, Медзелевский и Блюменфельд.

Расстрелы лишь по одному распоряжению местной власти и не в глуши, а в европейском городе! Этот свирепый акт послужил предметом особых дебатов в государственной думе, но дебаты эти казненных к жизни не вернули.

В Симферопольский и Феодосийский уезды в 1906 г. для „улаживания“ недоразумений между землевладельцами и батраками была послана карательная экспедиция из ингушей.

Вот что сообщалось об этой экспедиции:

„По дороге в Азамат, Каи, Мушаш можно было видеть бегущих в безумии женщин, голосащих на всю округу, а также мчавшиеся брички с гонцами, передававшими невероятные вещи о дикости напоенных ингушей, не щадивших и грудных младенцев, насилующих женщин, калечивших мужчин“¹.

Барон Каульбарс

Вешатель одесского военного округа

Опричники царя спешили расправляться со своими политическими врагами сейчас же после поражения революции, без „судебной волокиты“ и длительного следствия.

Командующим войсками одесского военного округа ген. Каульбарсом было опубликовано в феврале 1906 г. следующее об'явление:

„В видах сохранения согласно статьи 8 правил о местностях, об'являемых состоящими на военном положении, государственного порядка и общественной безопасности в районе вверенного мне одесского военного округа, я вынужден об'явить, что на основании статьи 12 вышеуказанных правил все дела о лицах, виновных как в покушении или в приведении в исполнение своих преступных замыслов помощью взрывчатых веществ или снарядов, оружия или иными способами, так и изобличенных в приобретении или хранении, или изготовлении, или переносе взрывчатых веществ, или снарядов с преступной целью, будут подвергаемы мною и уполномочиваемыми мною на то временными генерал-губернаторами и комендантом севастопольской крепости разрешению в административном порядке с применением смертной казни“.

Киевский губернатор Сухомлинов предлагал в начале 1906 г. к исполнению следующий циркуляр:

„Сегодня в местности Кагарлык, Киевской губернии, в имении Черткова арестован агитатор. Толпа с угрозами требует немедленного его освобождения. Местная вооруженная сила недостаточна. Ввиду этого настоятельно предлагаю вам как в данном случае, так и во всех подобных, приказывать немедленно истреблять силою оружия бунтовщиков, а в случае сопротивления—сжигать их жилище. В настоящую минуту необходимо раз навсегда искоренить самоуправство.“

¹ „Право“, 1906 г., с. 2655.

Аресты теперь не достигают цели: судить сотни и тысячи людей невозможно. Ныне единственно необходимо, чтобы войска проникнулись вышеизложенными указаниями“.

Если расшифровать циркуляр Сухомлинова, то получится, что вооруженная сила была не столь недостаточна, сколь скорее всего ненадежна. Сухомлинов говорил: „аресты теперь не достигают цели“. Это было общее мнение всех царских сатрапов, начиная от мелкого шпики до министра. „Судить сотни и тысячи людей невозможно“. Следовательно, и аресты сотен и тысяч людей не достигают цели. Судить невозможно, прощать недопустимо, вывод: искоренять, истреблять, расстреливать, сжигать.

Эстляндский генерал-губернатор Саранчов опубликовал 5 января 1906 г. следующий приказ:

„Ввиду отмены прибалтийским генерал-губернатором п. 3 инструкции от 1 января сего года, объявляю к неуклонному и точному исполнению начальникам карательных отрядов нижеследующее:

1. Виновные в насильственном посягательстве в форме подстрекательства отдельных лиц или целых групп населения на изменение в России образа правления.

2. Виновные в подговоре других к вооруженному восстанию против правительства, в особенности имевшие в своем распоряжении средства для взрыва или склад оружия.

3. Виновные в подговоре и подстрекательстве других к ниспровержению существующего государственного строя.

4. Виновные в умышленном истреблении, повреждении, умышленном зажигательстве и вообще вооруженном нападении на недвижимое имущество частных лиц, а главным образом подговорщики и подстрекатели к перечисленным преступлениям.

5. Виновные в вооруженном нападении на законных должностных лиц края с целью принудить их под угрозой смерти отказаться от своих прав и обязанностей, в особенности, если действия эти сопровождалась нанесением ран, и тяжких побоев.

Во всех перечисленных случаях при несомненной доказанности виновности обвиняемых со стороны местных гражданских властей вменяется в обязанность военному начальству, руководившему вооруженной силой, подвергать виновных немедленному расстрелу, донося мне как о лицах, доказавших виновность подвергнутого экзекуции, так и о личности последнего.

Подлинник подписал: эстляндский губернатор. Саранчов.

Генерал Сухомлинов
Киевский диктатор 1906 г.

Расстрелы и казни производились по подозрению не только за активное участие в восстании, но и по подозрению в сочувствии в революционной борьбе, за хранение обоймы от пуля, предметов охотничьего снаряжения, за хранение литературы и разбрасывание таковой, за предоставление приюта участникам революционной борьбы.

Граф Игнатьев
Каратель г. Твери. Убит 9 дек.
1906 г.

Царская орда, расправляясь с взрослыми мужчинами, не щадила также и женщин и детей, родных революционеров. Экзекуторы говорили:

„Бунтовщиков надо уничтожать потому, что они бунтуют, жен надо насиловать, чтобы с бунтовщиками не жили, а их детей надо истреблять, чтобы не шли по стопам родных“.

Каратели не боялись никакой ответственности за свои кровавые похождения, с своей стороны поощряя карательные действия отдельных солдат.

Солдат карательного отряда Гроховского полка Сергей Павлов

застрелил в Варшаве служащего, поляка — Пынду, за „оскорбление его величества“.

Восхищенный „доблестью“ солдата-карателя, командир полка Бонч-Богдановский, 25 февраля 1906 г. издал следующий приказ по полку:

„Вот, братцы, с кого пример надо брать, с молодца Сергея Павлова, в нем чувство преданности царю, верность присяге говорило сильнее опасности за ответственность. Спасибо рядовому Сергею Павлову за его честные, русские убеждения, за то, что не посрамил нашего Гроховского полка. Поздравляю рядового Павлова ефрейтером; выдать ему в награду 10 рублей, отпустить в двухмесячный отпуск. Приказ прочесть во всех ротах и командах и прокричать от русского сердца „ура“ молодцу-ефрейтору Павлову“.

Из помещаемых ниже далеко неполных данных мы видим, что в апреле, мае и июне 1906 г. царизм готовился к настоящим военным сражениям с населением городов и деревень. Так:

В Елисаветполь прибыл карательный отряд во главе с казачьим полковником Форейлих, вооруженный четырьмя пушками при 300 казаках.

Результат: села Геташень и Чайкен были разрушены снарядами. Были раненые и убитые.

В Курской губ. действовал карательный отряд в 600 сабель. Жгли убогие жилища крестьян.

В Красноярске на станции стоял готовый к действию карательный отряд с пулеметами.

Закавказье систематически выжигалось. Пожаром, устроенным карательным отрядом уничтожены живописные места Кутаисской губ. в Имеретии, м. Квирилы, Белогоры. В Мингрелии и Гурии выжжены селения: Нагомар, Двабзу, Акет и Абаша. Сотни семейств остались без крова. Жители, преследуемые пьяными карателями, укрывались в горах и в лесу, спасая женщин, больных, стариков, малолетних и грудных детей.

В с. Диди-Джихаиши, Кутаисского у. отряд в 400 чел. с тремя пушками разрушили ряд строений. Были человеческие жертвы.

По Сибирской ж. д., на всех главных станциях были поставлены карательные поезда с 800 солдатами в каждом поезде.

В Тамбовской губернии орудовал Каширский карательный полк.

В Саратовской губернии действовал карательный Дубинский полк.

В Аткарске орудовал батальон пехоты в качестве карательного отряда.

По Казанской губернии свирепствовал 127 Путивльский карательный полк.

В Шуше (Армения) полковник Веверн действовал со своим карательным отрядом так усердно, что больницы не вмещали изувеченных крестьян и рабочих и школы были превращены в подсобные медпункты. Среди изувеченных насчитывалось сотни изнасилованных молодых женщин и старух.

Женщины вырывались экзекуторами из рук отцов, мужей и братьев. Семидесятилетняя армянка Аванесова изнасилована пятью казаками.

Тифлиские газеты, описавшие ужасы в Шуше, были закрыты и редактора арестованы.

Граф Шувалов
Диктатор одесский и московский
Убит 28 июня 1905 г.

Александровский
Усмиритель пензенских
деревень

По Московско - Брест. жел. дор. курсировали карательные составы с артиллерией.

По Варшавской жел. дор. курсировали два карательных поезда.

По берегам Черного моря курсировали бронированные крейсера, переходя из порта в порт, принимая „меры“ против забастовок и других „неприятностей“.

По Витебской губернии карательный отряд генерала Данилова, переходя из деревни в деревню, истязал жителей.

В Феллин (Прибалтика) прибыл карательный отряд под начальством ротмистра фон - Сиверса, который потребовал собрать ему всех подозрительных в городе лиц. Полиция собрала 42 человека, из коих 22 привезли из тюрьмы и 20 арестовали в городе. По приказанию фон - Сиверса за городом была вырыта длинная яма. На утро к этой яме приведены были все 42 человека и поставлены в ряд. Фон - Сиверс тут же руководил расстрелами по 5 человек, пока не уничтожил всех 42 человека, брошенных в заранее вырытую братскую могилу.

По линии Петербург — Москва курсировали в полной боевой готовности карательные поезда под командой жандармских ротмистров. При чем, под означенные поезда было занято 200 паровозов и 5000 вагонов.

Над Тифлисом были поставлены полевые орудия в полной боевой готовности „на случай экстренной необходимости“.

В Воронеж 2 июля 1906 г. прибыл карательный отряд с пушками и пулеметами.

В Киев прибыл карательный поезд из 32-х вагонов при одном вагоне с решетками.

На станциях московского узла стояли готовые карательные поезда в составе 16 вагонов каждый: 1 вагон-платформа для орудий и пулеметов, 1 вагон для арестованных, 2 вагона для казаков и жандармов, 1 вагон для офицеров, 3 вагона для солдат и т. д.

На ст. Харьков - Южный было оборудовано два карательных поезда, назначенных для подавления „беспорядков“ по всей линии.

В Донецкий бассейн прибыл карательный поезд, состоящий из 33 вагонов, среди которых имелись вагоны специально предназначенные для арестованных.

На ст. Екатеринослав прибыл карательный поезд.

В Либаву прибыло 3 казачьих карательных полка со специальной миссией помочь баронам Прибалтики „восстановить порядок“.

На ст. Одесса - товарная был снаряжен особый карательный поезд в полной боевой готовности.

На ст. Симбирск сформирован карательный поезд из 6 вагонов и специальным вагоном для арестантов.

На ст. Константиновка стоял карательный поезд в составе 2 паровозов, 6 вагонов для солдат, 1 вагона для офицеров, 2 вагона-площадки с 2-мя пушками и вагон-площадка с 2-мя пулеметами и 2-мя вагонами для арестованных.

На ст. Дебальцево на протяжении мая 1906 г. дежурил блиндированный состав с карательной экспедицией.

Николай последний, получив сводку карательных действий своих генералов, радостно писал своей матери:

„...Слава богу, положение сделалось несравненно спокойнее.

В Прибалтийских губерниях Орлов и моряки, Рихтер и барон Ферзен — действуют великолепно, замирение уже близко, кроме части Курляндии, куда эти отряды подходят с разных сторон.

На юге России совсем тихо, кроме небольших беспорядков в Полтавской губернии. В Сибири тоже лучше, но еще не кончена чистка железной дороги от всей дряни“...

Фон-дер-Лауниц
Петербургский диктатор

Белый террор правительства особенно участился с назначением Столыпина диктатором: Россию охватывает сеть военно-полевых судов, строятся эшафоты, почти вся Россия объявляется на усиленной охране на военном и осадном положении.

Генерал Сахаров
Усмиритель саратовских крестьян

Сотни и тысячи дел и лиц изымаются из общей подсудности с передачей военным и военно-полевым судам. Так, с 1906 по 1908 г. изъятые из общей подсудности и переданы в военные суды 5911 дел; за тот же период времени суду передано было 16.333 чел.

За один месяц — декабрь 1905 г. — распоясавшейся реакцией в 17 городах (кроме Москвы и Петербурга) было закрыто 78 периодических изданий, арестовано 58 редакторов; введено военное положение в 85 городах; в вооруженных столкновениях убито 1.203 чел., ранено 1.624 чел., казнено 397 чел. Все тюрьмы оказались переполненными. С 17 октября 1905 г. по 1 сентября 1906 г. было сослано в Сибирь 35 тыс. чел.

Александра Федоровна (жена последнего царя), ознакомившись с донесениями „бравых“ генералов, записала в своем дневнике:

„Одна капля царской крови стоит дороже, нежели миллионы трупов холопов“¹.

¹ „Минувшие дни“, № 1, 1927 г., стр. 16.

Протесты по всей России и в 1-й гос. думе против действий карательных отрядов не помогли. Депутаты думы „переходили к очередным делам“, казни продолжались в наименьшей мере, с тою лишь разницей, что вместо действия „незаконных“ карательных экспедиций (декабрь 1905 г., январь — август 1906 г.), Столыпиным были „узаконены“ военно-полевые (скорострельные) суды.

Ген. Старынкевич
Симбирский губернатор.
Усмиритель симбирских
крестьян

19 августа 1906 г. министр Столыпин об'явил населению России, что:

„1. Военно-полевой суд учреждается по требованию генерал-губернаторов, главноначальствующих или лиц, облеченных их властью, в месте, по их указанию, начальниками гарнизонов или отрядов и главными командирами портов по принадлежности в составе председателя и четырех членов из офицеров от войска или флота.

2. Распоряжение генерал-губернаторов, главноначальствующих или лиц, облеченных их властью, должно следовать безотлагательно за совершением преступного деяния, по возможности в течение суток. В распоряжении этом указывается лицо, предаваемое суду, и предмет предъявляемого обвинения.

3. Суд немедленно приступает к разбору дела и оканчивает рассмотрение не далее, как в течение двух суток.

4. Разбирательство дела производится при закрытых дверях, в присутствии по правилам, установленным в отделе V, главы III, раздела IV военно-учебного устава.

5. Приговор по об'явлении на суде немедленно вступает в законную силу, безотлагательно и во всяком случае не позже суток приводится в исполнение по распоряжению военных начальников, указанных в статье 1 настоящих правил“.

На основании этого „закона“ за 6 месяцев военно-полевой юстицией приговорено и расстреляно свыше 1 тыс. чел.

„Расстрел в 48 часов“ не только соблюдался в точности, но нередко арестованного казнили и до истечения 48 час. с момента совершения „преступления“ — срока для следствия. Полицейское дознание и следственное производство об убийстве начальника с.-петербургской одиночной тюрьмы, полковника Иванова, совершенное 13 августа, в 1 часу дня (1907 г.), было в тот же день закончено и передано в военный суд. Приговор суда к смертной казни через повешение состоялся на следующий день, 14 августа, и ночью арестованного казнили.

Командующим войсками Столыпин отдал строжайший приказ: „Безусловно применять новый закон о военно-полевых судах и что командующие войсками и генерал-губернаторы,

которые допустят отступление от этого высочайшего повеления, будут ответственны за это лично перед его величеством. Командующие войсками должны озаботиться, чтобы по этим делам не представлялись государю телеграфные ходатайства о помиловании. 9 сентября 1906 г.“.

В тех случаях, когда военный суд присуждал не к казни, а к каторге, генералы принуждали пересматривать дело, заранее предпрешая решения их. Так, 28 ноября 1906 г. в 2 часа ночи за ранение городского были приговорены к бессрочной каторге братья Тараканниковы и братья Кобловы. В тот же день московский генерал-губернатор Гершельман приговор „кассировал“. Ночью военный суд собрался в другом составе, и братья Тараканниковы, братья Кобловы были приговорены к смертной казни через повешение. 29 ноября 1906 г. на рассвете все четверо были казнены.

Редкие до революции 1905 г. случаи казни женщин вообще, а беременных в особенности, — стали бытовым явлением в годы реакции.

Александр III, утвердивший смертный приговор первомартовцам, „смиловился“ над беременной смертницей Гесей Гельфман, заменив ей казнь пожизненной тюрьмой, где она и умерла. (См. главу: „Неказненные смертники“). Когда же слушалось дело в военном суде в Кронштадте по обвинению ряда лиц в попытках взорвать кронштадтский военный суд — выяснилось, что одна из подсудимых, Анна Венедиктова, беременна и что к ней, согласно заявлению защитника, не мог быть применен смертный приговор. Однако ретивые генералы судьи посмотрели на дело иначе, и Венедиктову 16 октября 1906 г. казнили вместе с семимесячным плодом.

Вешали за проступки, в результате которых даже по царским законам полагалось несколько месяцев тюрьмы.

В Варшаве трех рабочих приговорили к казни „за агитацию в пользу забастовки“.

Двинский губернатор генерал Астанин, в октябре 1906 г. пригрозил казнить всех, кто занимался сбором денег в пользу бастующих, на нужды партийных организаций и боевой дружины.

В Керчи был арестован за распространение прокламаций рабочий Дехне. По „закону“ полагалось не более двух лет заключения в крепости. Но военно-полевой суд вынес ему смертный приговор, приведенный в исполнение.

Казнили раненых, изувеченных:

30 октября 1906 г. было совершено покушение на московского градоначальника ген. Рейнбота. Бросивший бомбу рабочий Г. А. Александров был тяжело ранен выстрелом в голову. Хотя Александров почти все время впадал в беспамятство и оглох, его все же 31 октября в помещении арбатского полицейского участка судил военно-полевой суд, который приговорил его к смертной казни. В ночь на 2 ноября Александрова повесили.

4-го ноября 1907 г. в Ростове н/Дону судили рабочего Пенкина за экспроприацию. Во время нападения он был тяжело ранен взрывом собственного снаряда. Ему была только оказана первая помощь, так как оперативным путем извлекать осколки бомбы было признано излишним (все равно повесят).

Алиханов-Аварский
Закавказский экзекутор

Пенкина в „суд“ несли на носилках, в таком виде он был доставлен и на казнь.

Столыпинская эпоха массовых казней знает не мало случаев удушения людей, вовсе не причастных к предьявленным им обвинениям:

„2 декабря 1906 г. на ст. Красноярск был убит жандармский унтер-офицер Терешенко. Стрелявшему удалось скрыться. Во время погони за ним был арестован нелегальный революционер, известный рабочим под именем „Адольф“. При нем был найден браунинг. Кому то из преследовавших стрелявшего показилось, что тот скрылся в квартире рабочего Анельского, где жил парикмахер Венсковский. Немедленно там был произведен обыск, во время которого ничего обнаружено не было. Тем не менее отец и сын Анельские и Венсковский были арестованы. Все четверо были преданы по распоряжению губернатора Гирса военно-полевому суду. Хотя никаких улик против них не было, все они были приговорены к смертной казни. Молодой Анельский для доказательства своей невиновности просил вызвать свидетелей. Но так как указанные им лица были рабочими мастерских, т. е. с точки зрения „судей“ людьми заведомо неблагонадежными, то в ходатайстве ему было отказано. 9 декабря четыре ни в чем неповинные человека были казнены. Ужас и негодование охватило положительно все население Красноярска. Об этом деле никто из жителей не мог говорить без содрогания. Рабочие железнодорожных мастерских объявили забастовку в виде протеста против совершенного злодеяния. В ответ на это тот же губернатор Гирс распорядился выслать в Туруханский край мать Анельских, ее дочь с мужем, рабочим Кельишем. В отношении старухи Анельской это распоряжение не было исполнено только потому, что она умерла в красноярской тюрьме от острого умопомешательства“. (Ростов. „Скорострельные суды“).

„17 января 1907 г. в Одессе на Запорожской ул. полиция производила обыск в квартире рабочего Батхана. Во время обыска группа неизвестных лиц совершила вооруженное нападение на полицейских. В ответ на это полиция стала обстреливать весь дом. Жители в панике стали разбегаться. Из этих бежавших полиция выхватила четырех человек двух братьев Трейгеров, Офенбаха и Зейгермана. Всем им было предьявлено обвинение в вооруженном сопротивлении. 18 января военно-полевой суд приговорил их к смертной казни. 19 января они были повешены. А 23 января выяснилось, что все четверо пали жертвою ужасной ошибки. Никакого отношения к стрельбе по полиции они не имели, оружие при них не было и быть не могло, ибо казенные были мирные обыватели, просто спасавшиеся бегством из обстреливаемого дома.

В Радоме 3 декабря на Михайловской улице брошенной бомбой был убит жандармский полковник Плотто. Раньше чем бросить бомбу, террорист спросил проходившего по улице юношу Вернера — это ли полковник Плотто? Тот ответил утвердительно и прошел дальше. После взрыва Вернер был схвачен сыщиками и уже как соучастник убийства Плотто предан военно-полевному суду. 6 декабря он был казнен. В связи с этой казнью в городе была объявлена всеобщая забастовка. Через неделю официально было установлено, что Вернер никакого отношения к убийству Плотто не имел и был казнен по ошибке“. (Ростов. Скорострельные суды“).

„26 февраля 1907 г. в Москве группа студентов: Б. Н. Безродецкий, Э. Н. Новицкий, М. Н. Чеботаревский и почтово-телеграфный чиновник И. З. Овсянников разоружили городского Именова. После этого началось преследование этой группы, во время которой был убит городской Горин. Все четверо были арестованы и приказом ген. Гершельмана преданы военно-полевому суду. Так как установить виновника убийства городского „суду“ не удалось, то он вынес решение: дабы подлинный виновник не избег казни, повесить всех четырех. Правда, при этом погибнут трое невиновных, но зато неустановленный виновник, находившийся среди этих четырех, будет наказан. Дело этой студенческой группы вызвало вмешательство департамента полиции. 28 февраля директор Трусевич запросил московского градоначальника: „Благоволите телеграфировать в каком порядке предполагается направить дело о студенте Чеботаревском“. На это полковник Климович на следующий день ответил: „Дело Чеботаревского направлено в военно-полевой суд“. Но ответ этот был ложным, ибо на телеграмме Трусевича сделана пометка: „В 7 час. утра 1 марта повешен“. Ростове. (Скорострельные суды“).

В Василькове в 1908 г. публично расстреляли рядового Ткачева, обвинявшегося в убийстве вахмистра. Казнь совершена в присутствии всего полка и многочисленной публики. Выслушав приговор, Ткачев заявил, что он невиновен. Перед самой смертью Ткачев клялся перед публикой, что он жертва судебной ошибки. Расстреляли.

Царские „законы“ предусматривали замени казни каторгой для малолетних и несовершеннолетних. Но в эпоху действия военно-полевых „судов“ законы эти „устарели“ и казни несовершеннолетних имели место почти по всей России.

Несовершеннолетний Папай, за участие в аграрном восстании, в 1906 г., приговорен к каторге. Главный военный суд, приняв во внимание протест прокурора, „исправил ошибку“ суда, заменив каторгу казнью, каковая и была приведена в исполнение.

По настоянию присяжного поверенного Патека, группой членов думы был сделан по этому поводу следующий запрос правительству:

„Принимая во внимание, что кровавое „исправление“ главным военным судом и без того нелегкого приговора варшавского военно-окружного суда о несовершеннолетнем Папае является сознательным осуществлением принципа беспощадной жестокости, как основания уголовного правосудия, и находя, что после столь единодушного осуждения государственною думою института смертной казни вообще, в образе действий главного военного суда по настоящему делу нельзя видеть вызов, брошенный в лицо народному представительству, мы, нижеподписавшиеся, просим вас предложить на обсуждение государственной думы нашу просьбу: сделать неотложный запрос министру военному и министру внутренних дел“...

Запрос обсуждался „спешно“ и не менее спешно продолжались казни несовершеннолетних:

В Ченстохове, 22 сентября 1906 г. расстреляно 4 малолетних. В Новороссийске 17 января 1907 г. казнь совершили над едва достигшим 17 лет. Рига и весь Прибалтийский край имеет не

мало казненных малолетних и несовершеннолетних (Левина, Иоффе, Шафрона и др.).

В Бахмуте 18 сентября 1906 г. расстреляно 7 несовершеннолетних детей горняков за распространение нелегальной литературы.

По найденным нами данным были казнены подростки в возрасте от 14 до 19 лет.

Из-за поспешного исполнения приговоров казнили людей, которым казнь заменяли каторгой. Либо „запаздывал“ телеграф, либо терялось распоряжение извещавшее об отмене казни.

Одесский военный суд, вынесший около 400 смертных приговоров в период реакции 1906—1909 гг.

(Всеукраинский музей Каторги и ссылки)

В Самаре в 1908 г. казнены три человека. Через два часа по совершении казни получено было из Петербурга распоряжение отсрочить казнь. От иркутского генерал-губернатора на имя начальника красноярской тюрьмы была получена телеграмма, гласящая, что осужденному Сафронову смертная казнь заменяется бессрочной каторгой. Весть эта опоздала. Сафронов был уже казнен.

Мать революционера Брюно, бывшего дружинника, во время декабрьского (1905) московского восстания, осужденного за экспроприацию, обратилась к Николаю Романову с просьбой о помиловании. Несмотря на царское обещание, Брюно казнили, а после казни великая княгиня Елизавета Федоровна послала матери Брюно такую телеграмму: „Молюсь и скорблю с вами. Молитесь“.

Военные суды, вынося смертный приговор, не всегда были уверены в своей безопасности. Судьи боялись, что где-нибудь около суда, у подъездов квартир их может подстеречь какой-нибудь бомбометатель или дружинник-стрелок, и частенько вынуждены были покидать здание суда черным ходом. Шкурного страха ради судьи часто, вынося смертный приговор,

оговаривали его: „но ходатайствовать перед командующим войсками о смягчении участи“. Зная хорошо, что их ходатайство — пустой звук, ибо конфирмация приговора неизбежна, судьи руководствовались одним стремлением — отвлечь внимание террористов от своей персоны. Главный военный прокурор Павлов „ходатайствами“ военных судов остался недоволен, и в августе 1906 г. был разослан (под строжайшим секретом) циркуляр генерал-губернаторам о воспрещении ходатайствовать о смягчении участи приговоренных к смертной казни. Ходатайства прекратились, казни не уменьшились.

Ретивые усмирители ввели круговую поруку по селам и фабрикам, в силу которой крестьяне и рабочие расплачивались жизнью и скудным имуществом за террористические акты над царскими агентами или представителями крупной буржуазии.

Царизм топил революцию в народной крови, устраивая массовые погромы над еврейской беднотой, но наряду с этим брал под защиту крупных еврейских магнатов. Летом 1907 г. на почве экономического террора, связанного с об'явлением локаута рабочим от лица лодзинских фабрикантов во главе с фабрикантом Зильберштейном, последний был убит рабочим Келлером. Это убийство вызвало дикие репрессии со стороны лодзинских генералов. По одному подозрению в участии в убийстве было расстреляно 10 сентября 1907 г. восемь рабочих. Арестовано свыше 1 тыс. рабочих. Казаки устроили на территории фабрики повальное избиение нагайками и прикладами, в результате чего 48 тяжело раненых было помещено в больницы. Постановлением администрации каждый третий рабочий, т. е. свыше 300 рабочих, были высланы в отдаленные губернии в виде наказания за „косвенное“ участие в убийстве Зильберштейна. Кроме 1 тысячи рабочих был арестован также весь персонал конторы фабрики, который обвинялся в недонесении о покушении на Зильберштейна. Лишь через два года, в 1909 г., раскрылось, что восемь расстрелянных рабочих фабрики Зильберштейна, правда, передовые рабочие, активные участники первой революции, никакого участия в террористическом акте над Зильберштейном не принимали. Келлер действительно убивший фабриканта, был арестован весной 1909 г. и казнен 19 июля 1909 г. в Варшаве.

Казни, начавшиеся единицами, быстро увеличивались на десятки, сотни, тысячи казненных человеческих жертв.

По поводу массовых смертных казней, Вл Короленко в своих очерках „Бытовое явление“ так писал:

„Виселица опять принялась за работу и еще никогда, быть может со времени Грозного, Россия не видала такого количества смертных казней.

До революции 1905 г. старая Россия знала хронические голодовки и повальные болезни.

С момента „конституции“ (манифест 17 октября 1905 г.), среди обычных рубрик смертности (от голода, тифа, дифтерита, скарлатины, чумы и холеры) прибавилась еще одна рубрика: „от виселицы“...

В качестве искоренителей, истребителей, расстреливателей, вешателей и поджигателей особенно отличались министры и сановники: Столыпин, Павлов, Дурново, Булыгин, Макаров, Курлов и им подобные экзекуторы. В центре России: Гершельман, Рейнбот, Дубасов, Трепов, Риман, Мин; на юге России: Каульбарс, Чухнин, Карангозов, Шувалов, Сухомлинов; в Польше и в Прибалтике: Скалоч, фон - Валь, Саранцов, Грос - Сиверс, Орлов, Меллер - Закомельский; по Сибири и Забайкалью: Ренненкампф, Меллер - Закомельский, Трещенков; по Кавказу: Лолладзе, Аварский, Ларионов, Алиханов и сотни и тысячи прочих мелких ретивых исполнителей вроде Луженовского, Авраамова, Жданова, Панасюка, Полтавченко и других во главе с верховным палачом всей царской России — Николаем Романовым.

Испугалась ли революция? Нет. Два года отчаянно сопротивлялась первая русская революция несмотря на приказы: „патронов не жалеть, арестованных не иметь“. Очаги восстания, вспыхивали повсюду. Вот, например, в местечке Квириллы Кутаисской губ. вооруженное восстание кончилось захватом Квириллы со всеми казенными учреждениями, казначейством, железной дорогой, разоружением всей стражи, захватом тюрьмы и освобождением заключенных. Эта крошечная республика просуществовала 12 дней.

В Квирилле насчитывалось свыше 3 тыс. восставших рабочих, занятых разработкой марганцевой руды.

Карательная экспедиция при помощи казаков и стражников, разгромив крохотную республику, не знала границ своим издевательствам. Сколько погибло квирилльских рабочих после двенадцатидневной республики, не установлено до сих пор и вряд ли будет установлено.

Там же на Кавказе, история отлечает кратковременные существования и Гурийской республики.

По Сибири недолго действовала Красноярская республика.

На Юге России (Украина) была провозглашена Сорочинская и Люботинская республики.

А в Чите, где еще не остыли кровавые следы недавних походов Ренненкампфа и Меллера - Закомельского, не испугавшись жестоких репрессий этих „усмирителей“, воинские части действовали в контакте с ж. д. рабочими, заставив читинского губернатора „пережить унижительные минуты“, о чем он 1 августа 1906 г. доносил генералу Гродекову:

„Доношу: сегодня утром я прибыл в депо по случаю беспорядка. Прибыв туда, я узнал, что рабочие избili мастера Кизиритского верного правительству; осмотрев помещение, приказал арестовать 29 чел., которые не могли не видеть присходившего. Громадная толпа рабочих требовала их освобождения. Я приказал командиру 3-й роты 18 полка открыть огонь, но люди сего приказания не исполнили и винтовок не зарядили, вызвав энтузиазм толпы: я пережил унижительные

минуты. По поему приказанию 2-я рота Нерчинского полка пошла в штыки, моментально разогнав без кровопролития толпу; по войскам произведено два выстрела без прискорбных последствий; 29 арестованных отправил в тюрьму; на сегодня в мастерских прекратил работы.

Сычевский“.

Однако, арест 29 рабочих не напугал остальных читинских рабочих, которые готовились к новым боям с самодержавием. 2-го августа 1906 г. (на второй день после ареста 29 рабочих) главнокомандующий войсками Сибирского военного округа Гродеков заносил в свой дневник:

„Очевидно, в Чите революция пошла усиленным темпом. Надо быть бдительными и помнить, что население Читы владеет 4 тыс. 3-линейных винтовок и 300 тыс. патронов. Как никак, а при умелом распоряжении со стороны мятежников и при растерянности с нашей стороны, эта сила внушительная. Ведь в Чите до сих пор свежа память о декабристах; а ссылка в Забайкалье в течение столетия самых энергичных, не уживавшихся в Европейской России элементов не могла не отразиться на духе современных нам забайкальцев“...

Это после „ликвидации мятежа“ Рейненкампом и Меллер-Закомельским.

Не испугались и матросы. Когда кронштадским матросам было предложено выделить из своей среды тридцать человек для участия на панихиде по убитому Чухнину, экипажные представители заявили своему начальству следующее:

„Для нас смерть Чухнина не печаль, а великая радость. Мы без конца благодарны тому смельчаку, который освободил родину от этого изверга рода человеческого“.

Флотское начальство было ошеломлено, но поскольку это имело место после недавнего (20 июля 1906 г.) кронштадтского восстания, матросы не были притянуты к ответу.

К концу 1906 г. все российские тюрьмы были переполнены участниками восстаний, забастовок, террористических актов и партизанских дружин. Царская орда перенесла свою месть и расправу над политическими узниками русских бастилий, что было равно действиям карательных экспедиций по городам и селам.

Столыпин, — министр-вешатель, Курлов — начальник департамента полиции и Максимовский — начальник главного тюремного управления издали в 1906 г. ряд секретных инструкций для начальников тюрем, которым было категорически пред-

Адмирал Чухнин

ложено при малейшей попытке протестов и иных „нарушений“ со стороны политзаключенных... „восстановить порядок силой оружия без послаблений“...

В результате этих предписаний, назначались награды за удачную стрельбу по заключенным: за ранение — три рубля и за убийство — пять рублей. Трех и пятирублевков было выдано не мало.

Для иллюстрации карательных действий по тюрьмам, приводим ряд фактов:

В петербургской одиночной тюрьме, в апреле 1906 г., ефрейтор л. - гв. московского полка Федор Михайлов выстрелил в политзаключенного Вайденбаума и убил его наповал. Узнав об этом заключенные начали обструкцию.

Находившиеся в казармах тюрьмы два взвода солдат были немедленно введены во второй корпус для усмирения, но обструкция продолжалась.

Был отдан приказ открыть несколько камер; туда входили солдаты и избивали заключенных прикладами. В одной из камер заключенный Варавка стал отбиваться деревянной табуреткой. В него произведено два выстрела, причинившие ему раны в правое предплечье и в правую щеку.

Вся тюрьма была окружена войсками. В корридорах корпусов расставлены солдаты с винтовками.

В „Бутырках“ (Москва), в одиночку № 678, солдатом был произведен выстрел в политического заключенного крестьянина Тульской губ. и уезда Андрея Ивановича Алферова. Пуля попала Алферову в правую сторону груди на вылет, с повреждением легких.

2 июля 1906 г. утром содержащийся в петербургской одиночной тюрьме (Крестах) политический заключенный Иван Рудковский через окно своей камеры вел переговоры с другими заключенными. Стоявший на посту военный часовой выстрелил, при чем пуля попала Рудковскому в левый глаз на вылет. От полученной раны Рудковский днем того же 2-го июля умер.

В Петербурге, 27 декабря 1906 г., вечером, стоявший во дворе временной Дерябинской тюрьмы в Галерной гавани часовой выстрелом из ружья убил политзаключенного Густава Тальвика, 23 лет.

В Одессе, 22 июля 1906 г., часовой, стоявший у ворот тюрьмы, заметил политическую заключенную Кривошееву, разговаривавшую через окно с другими заключенными. Часовой выстрелил и тяжело ранил Кривошееву в плечо.

В кременчугской тюрьме часовой двумя выстрелами смертельно ранил политического заключенного Андрейченко.

В самарской тюрьме политический заключенный Бельский переговаривался со своим соседом через окно. На окрики он не обращал внимания. Выстрелом часовой пробил ему голову. Смерть наступила моментально.

В лубенской тюрьме в 1906 г. двое заключенных подошли к окну. Часовой потребовал их удаления и после отказа — выстрелил, при чем один из заключенных был убит, а другой — ранен.

В Риге часовые стреляли в заключенных, подходивших к окнам своих камер.

В одном случае выстрелом часового ранен в голову политический заключенный Веселовский.

В Двинске 4 февраля 1907 г. перед тюрьмой собралась толпа подростков, пришедших проститься с высылаемыми в ссылку политзаключенными. Часовые предложили заключенным отойти от окон своих камер. Получив отказ, они стали действовать оружием, убив одного заключенного и ранив другого.

В Лодзи политический заключенный Борковский переговаривался из окна своей одиночной камеры с находившимися во дворе другими заключенными. Солдат произвел выстрел, коим Борковский был убит.

В Нижнем - Новгороде надзиратель тюрьмы стрелял в политического заключенного Муравского и ранил его смертельно.

В лодзинской тюрьме часовыми ранено трое заключенных, разговаривавших через окно с другими заключенными.

В кишиневской тюрьме (Бессарабия) 24-го января 1907 г. стражник тюрьмы выстрелив из ружья убил политического заключенного Савенко и ранил другого. Группа заключенных начав обструкцию, разбила окна в квартире начальника тюрьмы.

В Варшаве, в следственной тюрьме часовой застрелил политического заключенного Степана Перловского, переговаривавшегося через окно своей камеры с заключенными женского отделения тюрьмы.

В Петербурге, 18 июля 1907 г. содержащийся в одной из камер 1 этажа пересыльной тюрьмы политический Шумун влез в окно.

Петр Шеффер

В 1908 г. одесским военным судом осужден к смертной казни, замененной каторгой без срока 9 февраля 1908 г. убит часовым у окна своей камеры

(Одесский музей Каторги и ссылки)

М. Ю
НАЧАЛЬНИКЪ ОДЕССКОЙ
ТЮРЬМЫ

№ 1550

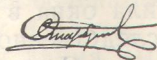
1908 г. Февраль, 9го дня
г. Одесса

14
Копия.
Директору
Его Превосходительству
Господину Одесскому Градо-
наследнику

Данпортъ.

Сюжета въ 2х 30 м. Дня при выходе на прогулку приговоренных к каторжнине работав, помпозавишх на 3^ю этаж, одинъ изъ арестантовъ, а именно Петра Петрова Шеффера, осужденный Одесскимъ Военно-Окружнымъ Судомъ, за преступленіе предусмотренное 13, 1629 и 1632 ст. ст. Улож. о Наказ. 102 ст. Улож. и 279 ст. XII Кн. С. В. П. къ смертной казни, каковая Т. Командующимъ Войсками занесена каторгой безъ срока, ссѣла на 1^ю этажъ. Вступилъ въ пререканіе съ помощникомъ надзирателя Степаномъ Сиракомъ, обвинилъ его площадной Французъ, а затѣмъ, ударивъ его, разбилъ ему лобный глазъ. Сиракомъ выстрѣлилъ изъ револьвера въ животъ его наповниль.

Даносъ о вышеописанномъ Явишии Т. Превосходительству присовокупно что одновременно съ симъ дано и Т. Прокурору Одесского Окружного Суда, извѣщено и Таврическому Губернатору зѣвнѣвающему тюремную и Судебную Слѣдовательно 2х 1 Одессе. Подлинный за надлежащими подписями
Съ надлинными вѣрно.

Рапорт об убийстве Шеффера
(Одесский краевой исторический архив)

Заметив это часовой выстрелил в Шумуна. Пуля попала в левый глаз и он был убит.

В варшавской подследственной тюрьме политический заключенный Степан Гельвиц, стоя у окна своей камеры, разговаривал с заключенными женского отделения. Часовой выстрелил и убил Гельвица.

В самарской губернской тюрьме в 1906 г. часовой ранил в голову политического Макеева, завешивавшего окно в камере для защиты от насекомых.

В Либаве политический заключенный Брадин, отказавшийся отойти от окна, был убит часовым.

В Самаре часовым убит говоривший из окна политический Трубин.

В уральской тюрьме часовой ранил политического заключенного, отказавшегося отойти от окна. Пуля попала в решетку и отскочив от нее, ранила заключенного в грудь в трех местах.

В бакинской центральной тюрьме часовой потребовал от политического Медиани отойти от окна и прекратить разговоры с лицами, стоявшими на улице. Медиани от окна не отошел и часовой его убил.

В Мариуполе часовой застрелил двух заключенных, ведших через окно разговор с публикой.

В Архангельске выстрелом из револьвера убит в тюрьме политический Шутов, который не отходил от окна.

В виленской губернской тюрьме убит из винтовки политический Миллер, не исполнивший требования стражи отойти от окна.

В киевской Лукьяновской тюрьме 12 апреля 1908 г. часовой застрелил политического заключенного, отказавшегося отойти от окна. На следующий день при аналогичных обстоятельствах убит политический заключенный Кохас.

14 июля 1908 г. в елисаветградской тюрьме часовой выстрелом из ружья ранил в руку политического заключенного Подольского, которому пришлось ампутировать руку. Через несколько дней он умер от заражения крови.

В енисейской тюрьме часовой выстрелом убил политического заключенного Кондратия Зозулю, подошедшего к окну, и двух ранил.

В ярославской тюрьме пьяный надзиратель во время прогулки, придравшись к одному заключенному выстрелом из револьвера убил его наповал.

15 июля 1908 г. в новомосковской тюрьме стражник Пронько ранил в висок политического Бондаренко, подошедшего к окну.

Политический заключенный Краснобородский в 1908 г. убит в Шлиссельбургской крепости у окна своей одиночки за то, что он кормил голубей за решеткой.

Политический заключенный симферопольской тюрьмы Гальперин, не пожелавший отойти от окна, убит часовым, выстрелившим в окно. Там же при аналогичных обстоятельствах убит политический Фитала.

В красноводской тюрьме часовым застрелен политический в то время когда он переговаривался со своими товарищами через окно.

В киевской тюрьме часовой выстрелом убил напозал политическую заключенную Шерстневу, игравшую зеркалом на солнце.

Выстрелом в окно убит политический заключенный одесской тюрьмы Бекер. Это убийство вызвало длительную голодовку — протест всей тюрьмы.

Социал-демократическая фракция гос. думы, в 1909 г. получила следующую телеграмму: „В камере батумской областной тюрьмы караулом ранены пулями политические заключенные Круашвили и Датуашвили. Накануне назначили нового начальника. Ожидаются дальнейшие репрессии. Заключенные отказываются от пищи. Мы, родственники, в смертном страхе“.

Поступавшие из разных мест России тревожные телеграммы о расстрелах в тюрьмах вынудило социал-демократическую фракцию госуд. думы сделать ряд запросов правительству, в том числе и запрос о расстрелах в рижской центральной тюрьме:

„К тому невыносимому режиму, который за последние годы установился в русских тюрьмах и который неоднократно приводил к кровавым столкновениям между тюремной стражей и заключенными, в некоторых тюрьмах прибавилось новое ужасное средство воздействия на заключенных: расстрелы их часовыми через окна. Этот новый вид смертной казни нашел применение особенно в рижской центральной тюрьме. Года два тому назад в этой тюрьме таким образом была убита политическая заключенная Эмма Достер, а в последнее время — двое политических: Эмма Подзинь она же Мильда Риттер, и Эдуард Пэла. Из них Подзинь (Риттер) расстреляна 12-го августа, а Пэла — 14-го октября сего 1909 года.“

Кроме того, выстрелами часовых в окна несколько человек ранено, и многие камеры носят на себе следы выстрелов: — пробитые стекла в окнах, пробоины пулями в стенах и т. д. Особенно ярко показывают два последние случая, что расстрелы заключенных производятся без всякого к тому повода с их стороны.“

Вот как описывают очевидцы расстрел 12-го августа 1909 г. Подзинь (Риттер): „В этот день, около полудня, на дворе тюремной больницы гуляли больничные. Во время прогулки к окну одной из женских камер подошла больная, заключенная Подзинь (Риттер) и стала смотреть на гуляющих. Никаких знаков и а гуляющим не делала, а переговариваться с ними не могла

потому, что окна в тюрьме никогда не открываются. Часовой солдат не подавая никакого сигнала, без предупреждения, незаметно для Подзинь (Риттер) поднял ружье и выстрелил в окно, у которого стояла заключенная. Подзинь была ранена в живот и через несколько часов скончалась от полученной раны.

Не менее возмутительный случай произошел 14-го октября (1909): в одной из камер политический заключенный Эдуард Пэла, стоя недалеко от окна, стал причесывать волосы (дело было около 7 час. утра). Вдруг на дворе раздался выстрел и Пэла свалился с простреленной головой. Он оказался убитым наповал. Пуля раздробила ему череп, пробила рядом устоящего заключенного плечо и ударила в стену камеры. Пулей пробито нижнее матовое стекло окна. Из этих фактов совершенно ясно, что никаких поводов со стороны заключенных к употреблению часовыми оружия не было. Не было ни угрозы страже, ни попытки бежать, ни даже попытки переговариваться через окно. Понятна поэтому тревога заключенных, которым приходится каждую минуту опасаться за свою жизнь, ибо последний случай показывает, что заключенный рискует быть убитым часовыми, если только подойдет к окну на такое расстояние, что станет заметным снаружи.

Истории известны и другие виды „казни“ в русских тюрьмах. Когда тюремщики задавались целью уничтожить заключенного, который не поддавался под пулю часового, жертву сажали в карцер или одиночку и... отравляли.

Такой случай имел место в николаевской каторжной тюрьме над рабочим - большевиком Павлом Сафроновым. В акте о смерти Сафронова значилось: „умер от туберкулеза легких“...

Кровавый смерч по городам, селам и тюрьмам царской России вызывал ярые протесты общественности в России и за границей. Но подавлялась всякая возможность протеста в России против массовой, дикой бойни.

Великий русский писатель Л. Н. Толстой, не смотря на свое отрицательное отношение к первой русской революции, пытался во всеуслышание крикнуть всей царской своре: „остановитесь убийцы!“ Но ему закрыли рот, и его книжка „Не могу молчать“, посвященная диким казням, не могла выйти из печати в России. Московский генерал-губернатор в 1908 г. оштрафовал редактора газеты „Русские ведомости“ на 3 тыс. руб. за перепечатку из петербургских газет статьи Л. Н. Толстого „Не могу молчать“. Книга вышла лишь в 1908 г. в заграничном издании, в Берлине. В ней Л. Н. Толстой говорит:

„Нельзя так жить. Я, по крайней мере, не могу так жить, не могу и не буду.“

Затем я пишу это и буду всеми силами распространять то, что пишу и в России и вне ее, чтобы одно из двух: или кончились эти нечеловеческие дела или уничтожилась бы моя связь с этими делами, чтобы или посадили меня в тюрьму, где бы я ясно сознавал, что не для меня уже делаются все эти жасы, или же, что было бы лучше всего (так хорошо, что я и не смею мечтать

о таком счастье), если бы надели на меня так же, как на тех двадцать или двенадцать крестьян, саван, колпак и так же столкнули со скамейки, чтобы я своей тяжестью затыкнул на своем старом горле намыленную петлю“.

Поводом к опубликованию этой статьи послужила казнь 11 крестьян-аграрников в марте 1908 г., в Херсоне. Были повешены: Рябоштан Григорий — отец, Рябоштан Гурий — сын, Рябоштан — Андрей брат Григория, Семен Токяр, Главный, Шишненко, Шулешко, Косой, Юрченко — 17 лет, Федоренко и Пономареви. Все они были осуждены военным судом в Елисаветграде к смерти и перевезены в Херсон для совершения над ними казни. Повешены палачем Лагута (уголовный арестант, отбывавший наказание в херсонском исправительном арестантском отделении).

